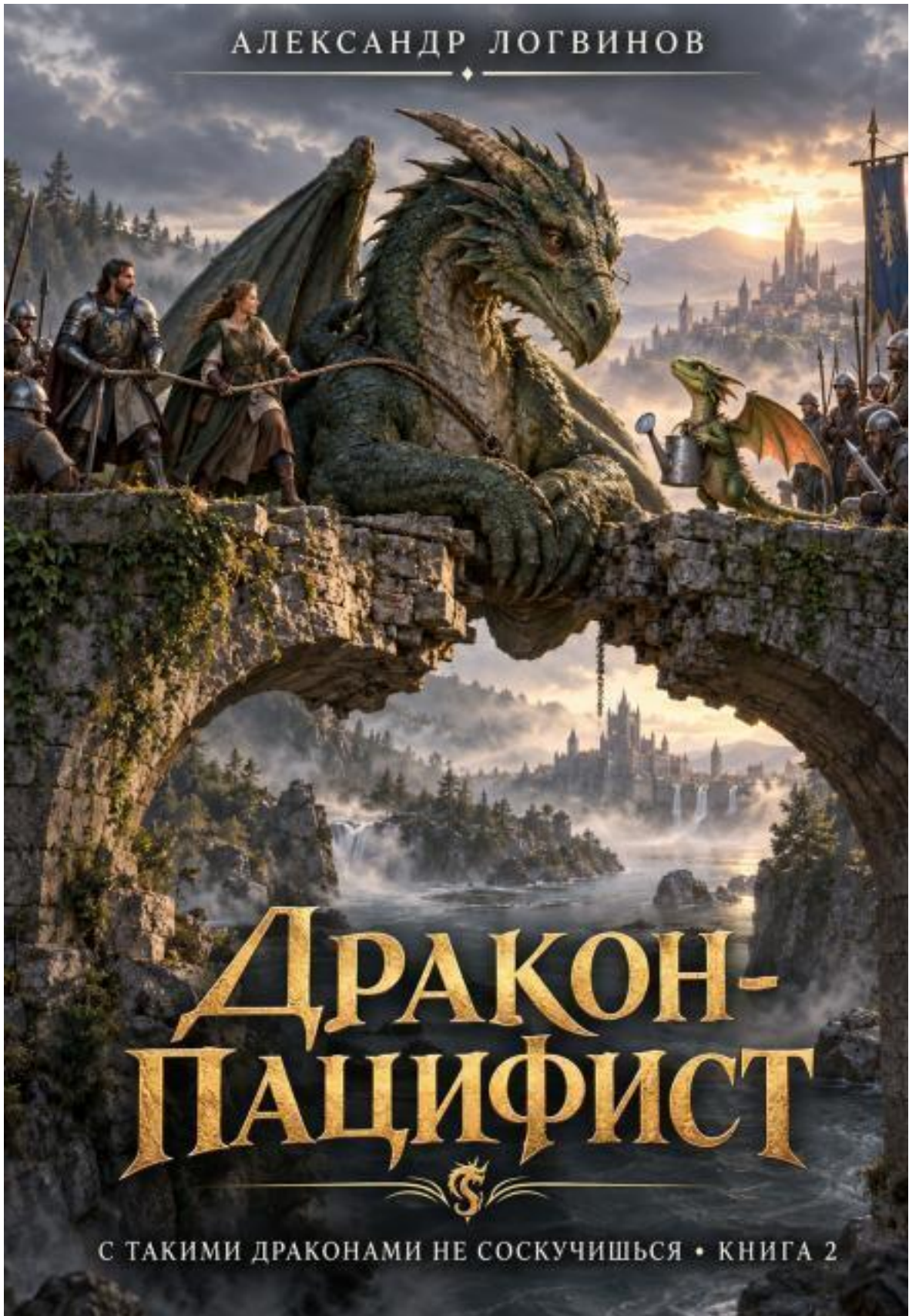

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

ДРАКОН- ПАЦИФИСТ

С ТАКИМИ ДРАКОНАМИ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ • КНИГА 2

Александр Логвинов

Дракон-пацифист

«Литнет»

2026

Логвинов А.

Дракон-пацифист / А. Логвинов — «Литнет», 2026

Евсей Хрисанфович собирался пересадить укроп. Вместо этого над его огородом пролетел снаряд: два государства готовы воевать за мост, а дракону уже приписали намерение сжечь крепость. Рыцарю Северину снова предлагают победить чудовище. Принцессу Миру снова пытаются сделать частью чужого плана. А маленькому дракону Шипу предстоит решить, обязан ли он пользоваться огнём, чтобы быть полезным. Пока армии ждут приказа, кто-то печатает новости о битве, которая ещё не началась, и подсчитывает прибыль от будущего восстановления моста. Евсей не собирается играть отведённую ему роль. Но как остановить войну, если обе стороны уверены, что защищаются? Вторая книга цикла «С такими драконами не соскучишься» — ироничное переосмысление сказки о рыцаре, принцессе и драконе.

© Логвинов А., 2026

© Литнет, 2026

Дракон-пацифист Роман Цикл «С такими драконами не соскучишься». Книга вторая

Александр Логвинов

Дракон-пацифист

Роман

Цикл «С такими драконами не соскучишься». Книга вторая

Глава 1

Мир объявляется в семь утра

В семь утра над огородом Евсея Хрисанфовича пролетел пушечный снаряд.

В восемь должна была приехать комиссия по проверке добровольности драконьего труда. Евсей специально вымыл камень для посетителей, хотя комиссия садилась на него редко, а замечания делала исправно. Поэтому снаряд, попавший в приготовленный камень и превративший его в аккуратную кучу, испортил дракону настроение сильнее, чем обычно портят снаряды.

Шип выбежал из пещеры в одном носке.

— Война? — спросил он.

— Пока лишь нарушение записи, — сказал Евсей. — Комиссия прибудет и заявит, что негде сидеть.

За перевалом поднимался дым. Через минуту донёсся второй удар. Дракон расправил крылья, заслонив мальчика, и увидел, как на дороге остановилась повозка с белым полотнищем. Из неё вывалился человек в медных очках, поклонился огороду и крикнул:

— Господин дракон! По просьбе Совета примите участие в чрезвычайной миротворческой операции!

— Сначала объясните, почему операция стреляет по помидорам.

Посланник снял очки. Один глаз у него всё время смотрел на Евсея, второй — на возможность вернуться к лошадям.

— Стреляет Восточная марка. Королевская батарея отвечает. Наши снаряды, по заверению артиллеристов, летят в другую сторону.

Евсей осмотрел пробоину в ограде.

— Батарею заверяли письменно?

Вчера в долине ещё спорили о цене на уголь. Сегодня спор стал громче и обзавёлся фитилём. С Восточной маркой давно делили старый мост, который стоял между берегами так беспристрастно, что обе стороны требовали его себе целиком. Пока город строил новые печи взамен жаровых камер, торговля через мост кормила сотни людей. Его потеря сулила зиму, которую нельзя было пережить победной речью.

— Совет просит вас выступить гарантом прекращения огня, — сказал посланник. — Только ваше имя способно остановить обе армии.

— Моё имя обе армии пишут по-разному.

— Это не мешает им бояться вас одинаково.

Евсей посмотрел на Шипа. Тот держал в лапе второй носок и пытался казаться взрослым настолько, насколько это возможно в двух разных носках.

— Кто начал? — спросил дракон.

Посланник замялся.

— Каждая сторона располагает убедительными доказательствами, что другая.

— Значит, начал тот, у кого убедительнее казначей.

По дороге приближалась ещё одна повозка. На козлах сидел Северин Лест, в седле за ним — Мира. Северин привёз дорожную сумку и, судя по лицу, сожаление о том, что не остался дома. Мира спрыгнула раньше, чем он остановил лошадь.

— Отец подписал мобилизацию, — сказала она. — Совет не смог его остановить. В Марке объявили, что ты собираешься сжечь их крепость.

— Я собирался пересадить укроп.

— Теперь укропу потребуется особый пропуск.

В долине ударила пушка. Шип перестал изображать взрослого.

Евсей накрыл его крылом и велел посланнику готовить повозку. Внутри он положил очки, тетрадь для шуток, мешочек семян и старую дощечку с надписью «Людей не ем». После минутного размышления добавил лейку.

— Зачем она? — спросил Северин.

— Если беседа пойдёт плохо, займусь делом.

На склоне за домом Евсей нашёл осколок второго снаряда. Он пах серой и мокрым железом. На металле осталась фабричная метка: пересечённые короны. Дракон убрал осколок в мешочек для семян. Пригодится, если кто-нибудь позже станет убеждать, что помидоры погибли от слишком горячего спора.

Шип стоял у калитки. Войну он знал по книгам, где она обычно заканчивалась на последней странице. Из собственного опыта ему были известны закрытые двери, жар и люди, которые называли причинённую боль необходимостью. Сейчас у взрослых снова появилось это слово. Он спросил, можно ли отказаться от войны так же, как от невкусного супа.

— Одному — можно, — сказал Евсей. — Но суп от этого не исчезнет из чужих мисок.

— А если отказаться всем?

— Вот этим мы и займёмся. Только сначала выясним, кто подал суп и почему в нём фитиль.

Они вместе подняли упавшие колья. Евсей не хотел оставлять огород разорённым: возвращаться следует в место, где тебя ждёт не только работа над ошибками. На соседней грядке уцелел первый помидор, красный с одной стороны и зелёный с другой. Шип сунул его в дорожную сумку. Съесть решили после разговора у моста — если там вообще окажется время на обед.

Пока готовили повозку, прибыла обещанная комиссия. Старший инспектор пересчитал разбитые подпорки, внимательно осмотрел след от снаряда и попросил Евсея расписаться в том, что ущерб нанесён до начала проверки. Мира поинтересовалась, предусмотрена ли форма для войны, которая началась раньше рабочего дня. Инспектор сказал, что уточнит в управлении, и не стал мешать отъезду.

Глава 2

Рыцарь и техническое задание

Северину выдали секретное поручение в трех экземплярах. Первое следовало прочесть, второе сжечь, третье представить в качестве доказательства, что сжигание состоялось. Он прочёл все три, обнаружил три разных задания и пошёл к Мире.

В одном предписывалось охранять Евсея. Во втором — не позволять дракону приблизиться к мосту. В третьем — в случае угрозы мосту устранить дракона и представить документ о добровольности устранения.

— Кто подписал? — спросила Мира.

— Канцелярия обороны. Подпись министра поставлена на расстоянии, с которого он меня обычно приветствует.

Они ехали к Восточному мосту вдоль вереницы беженцев. На телеге женщина везла три курицы и окно в раме. Северин предложил помочь с окном. Женщина отказалась: окно, по её словам, было единственным, что не обещало вернуться после войны самостоятельно.

У заставы стояли новобранцы. Один с усердием начищал щит, другой читал приказ вслух. Приказ запрещал обсуждать причины боевых действий, «во избежание паники и самовольного понимания».

Евсей дочитал бумагу через плечо солдата.

— У вас есть приказ об использовании запятых?

Солдат взглянул на его зубы и ответил:

— Не поступал.

— Тогда поставьте одну после «паники». Она хотя бы отдохнёт.

За заставой их догнал Шип. Он не прятался: маленький дракон понимал, что тайно следовать за взрослым драконом бессмысленно, если тот умеет слышать, как ты думаешь о печенье.

— Тебя просили остаться у Дары, — сказал Евсей.

— Я и остался. Пока не услышал третью пушку.

— У Дары безопаснее.

— Она плакала над письмом от Петра. Он на мосту.

Пётр, переживший когда-то собственную казённую смерть, теперь чинил мостовые пролёты. По распоряжению обеих сторон один и тот же мастер был объявлен подозрительным. Он счёл это лестным признанием профессионализма.

Мира предложила отправить Шипа обратно с охраной. Шип посмотрел на неё так, как она когда-то смотрела на взрослых, решавших её судьбу по бумаге. Она осеклась.

— Ты можешь идти с нами до деревни, — сказала она. — Потом решим вместе.

— Вместе — это когда моё мнение тоже считается?

— Да. Особенно если оно неудобное.

На тракте им встретился балаган с яркой вывеской: «ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА НАД ДРАКОНОМ. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЕЖЕЧАСНО». Из-под полога вышел актёр в зелёном халате и с хвостом, пришитым ниже, чем у любого известного Евсею существа.

— Вы опоздали, — сказал актёр. — Билеты кончились.

Евсей снял очки.

— Хотел посмотреть, как меня победят.

Актёр посмотрел на него, на вывеску, снова на него.

— Сегодня репетиция, — быстро сказал он. — Победа откладывается по техническим причинам.

Северин, чьё лицо украшало афишу в роли победителя, прошёл внутрь без билета.

Дорога становилась теснее. У перекрёстка фермеры спорили, по какой стороне вести коров, если одна страна объявила дорогу своей, а другая собиралась сделать это к обеду. Северин помог им перегнать стадо через луг. Одна корова отказалась пересекать условную границу без письменных гарантий; Мира узнала в ней немало придворных.

На ночлег остановились в деревне, где жил старый переписчик Варфоломей. В его доме хранилась копия договора о мосте. Он заварил чай, достал с полки три книги и долго ворчал, что история есть наука о том, какие бумаги люди не прочитали вовремя.

Оказалось, первоначальный договор вообще не определял, кому принадлежит мост. В нём подробно расписывались камень, раствор, жалованье мастерам и обязательство обоих берегов кормить рабочих. Приложение о праве собственности оставили пустым: правитель умер, наследники поссорились, а мост к тому времени уже построили.

— Вот с этой пустой страницы и живём, — сказал Варфоломей.

Мира провела пальцем по незаполненному месту. Чистое поле в старой книге пережило поколения чиновников, каждый из которых считал незавершённое дело поводом для нового указа. Северин предложил вписать туда слово «общий». Переписчик строго посмотрел на него.

— Современным людям не доверю дописывать прошлое. Хотите общий мост — сделайте общий договор сегодня.

Ночью Мира не спала. Ей казалось, что она снова едет на телеге к пещере Евсея, только теперь на ней лежат жители двух берегов. Отец уверяет, что иначе нельзя; возницы не задают вопросов; дракон должен каким-то образом разрешить всё за них. Она поднялась, переписала договор на отдельный лист и отметила пустое приложение. Возможно, в нём прятался путь к переговорам. Во всяком случае, это был факт, который можно предъявить обоим правителям, не требуя верить ни одному из них на слово.

Глава 3

Знакомый сюжет за отдельную плату

В балагане рыцарь побеждал дракона шесть раз в день. Принцессу привязывали к деревянному столбу, она кричала, рыцарь размахивал мечом, дракон падал. В конце зрителям предлагали купить слёзы принцессы в пузырьке. Судя по запаху, принцесса плакала уксусом.

Мира рассматривала афишу. Художник изобразил её светловолосой, испуганной и меньше ростом, чем Северин. Ни один пункт не соответствовал действительности.

— За ложное изображение королевской особы предусмотрен штраф, — сказала она хозяину балагана.

— Тогда это другая принцесса.

— На афише моё имя.

— Совпадение имен было заложено в стоимость.

Хозяина звали Фома Бриль. Он торговал спектаклями, страховыми полисами и подробностями чужих несчастий. С утра Фома скупил у местной типографии весь красный краситель, потому что рассчитывал на спрос после первого сражения. Он искренне обиделся, узнав, что Евсей просит прекратить стрельбу.

— У вас прекрасная репутация чудовища, — сказал он. — Её столько лет создавали профессионалы. Зачем всё портить?

— Мне нужна сцена на вечер, — ответил дракон.

— Для выступления? Сбор пополам?

— Для разговора с людьми с обоих берегов.

Фома задумался. Идея мира его не привлекала, но разговор с драконом можно было продать под названием «Последнее предупреждение».

— Афиши мои, — сказал он.

— Текст согласуете с Мирой.

— Тогда расходов будет больше.

— Зато ваша типография переживёт ночь.

Фома согласился и тут же записал: «Дракон угрожает владельцу типографии». Мира выхватила перо и дописала: «потому что владелец стоит на ящике с порохом и курит».

Северин взял у актёра картонный меч. Когда-то его имя поставили под победой над драконом, которого он не видел. Теперь настоящая война начиналась с представления, где он снова выигрывал. Оба раза зрители уже знали финал; оставалось только назначить виновного.

— Я выйду на сцену, — сказал он.

— В героическом костюме? — обрадовался Фома.

— В своём. И объясню, что портрет на монете был ложью.

Фома чуть не уронил счёты.

— Тогда билеты придётся вернуть.

— Вот и проверим, можно ли сказать правду бесплатно.

За пологом Шип слушал, как актёр-дракон объясняет детям правила спектакля: чудовище не умеет говорить, иначе его будет жалко. Мальчик провёл когтем по шрамам на шее. В зале пахло опилками, свечами и человеческим ожиданием. Ему хотелось уйти. Он остался,

потому что впервые мог услышать, как именно взрослые научились бояться его раньше знакомства.

Когда зрители разошлись, Фома закрыл балаган и вынес настоящую книгу заказов. Он держал её под одеждой, словно та могла простудиться от правды. Северин увидел записи о спектаклях, оплаченных Управлением чрезвычайного согласия за несколько недель до первых выстрелов.

— Зачем властям постановка? — спросил он.

— Чтобы люди знали роли, — ответил Фома. — Когда всё начнётся, герой и чудовище уже будут знакомы. Осталось сообщить, кто из них где живёт.

Мира нашла в книге строку о дополнительном представлении для восточного берега. Там дракон говорил с западным акцентом, а рыцарь носил цвета Марки. Фома изготовил два комплекта костюмов. Общим публикам продавали уверенность, что их враг давно определён сказкой.

— Вы ведь понимаете, что это делает с людьми? — спросила она.

— До сегодняшнего дня мне казалось, что понимаю только, сколько они платят.

Фома показал склад афиш. Там лежали отпечатанные заранее объявления о победе каждой стороны. Дата внизу оставалась пустой. Северин взял один лист и увидел на нём собственную смерть. Он уже получал награду за событие, которого не было; теперь ему предлагали умереть с таким же опережением.

Шип стоял у двери и слушал разговор. Актёр, игравший чудовище, протянул ему картонную маску. Мальчик примерил её. В прорезях для глаз мир стал узким и тёмным. Он снял маску и сказал, что у настоящего дракона глаза расположены иначе. Актёр обещал исправить реквизит. Шип не стал объяснять, что дело вовсе не в реквизите.

На улице он спросил Северина, почему люди любят историю с одним ударом меча. Рыцарь ответил, что она избавляет от необходимости разбираться с тем, что случилось до удара и будет после. Сам он однажды прожил три года в такой истории. Конец у неё оказался гораздо дальше афиши.

Глава 4

У моста две стороны и один владелец

Мост строили сто двадцать лет назад, когда оба берега принадлежали одному королевству. Потом королевство разделилось; опоры, не получившие соответствующего указа, продолжали держать пролёты.

Теперь на западном берегу стояли люди Илара Четвёртого, на восточном — солдаты маркизы Аглаи. Между ними, за обломанной оградой, сидел Пётр и менял сгнивший настил.

— Если закончишь, они по нему нападут, — крикнул западный офицер.

— Если не закончу, вы по нему упадёте, — ответил Пётр.

Евсей приземлился у воды. С обеих сторон в него прицелились. Он медленно поднял пустые лапы.

— Прошу выделить представителя, который умеет считать до трёх. Начнём с такого уровня доверия.

С запада вышла Мира, с востока — невысокая женщина в походной куртке. Она представилась капитаном Неллой Варден, командиром пограничной роты. Нелла получила приказ взорвать мост, если западные войска войдут на середину. Западным войскам приказали занять середину, если восточные начнут подготовку к взрыву. Обе стороны тщательно выполняли свои обязанности.

— Кто сообщил вам, что я сожгу крепость? — спросил Евсей.

— Ваше публичное заявление, — сказала Нелла и показала листок.

На листке стояла печать, которую Евсей не узнавал, и слова: «Мир невозможен, пока Восточная марка существует». Внизу подпись: «Евсей Хрисанфович, дракон».

— Я никогда не ставлю подпись «дракон», — сказал он. — Это всё равно что вам расписаться «женщина в куртке».

Нелла спрятала листок.

— Мои люди поверили.

— Вот почему я здесь.

Офицер с запада предъявил другой листок. В нём маркиза обещала объявить охоту на каждого дракона и его союзников. Текст был так же уверенно подписан: «Аглая, правительница».

Нелла побледнела.

— Она подписывается просто «Аглая Варден». Она терпеть не может слово «правительница».

— Получается, нас поссорил человек, не умеющий слушать собеседников, — сказала Мира. — В канцелярии таких много. Но не у каждого есть две печати.

Посередине моста Пётр обнаружил фитиль. Он шёл под досками к четырём бочкам. На восточном берегу лежал такой же конец, на западном — второй. Поджечь могли с любой стороны; затем каждая получила бы убедительное доказательство чужой вины.

Пётр приподнял бочку. Она оказалась пустой.

— Взрыва нет? — спросил Северин.

— Есть. Но похуже. Если кому-то продали порох по счёту, а привезли воздух, он будет стрелять, пока не обнаружит разницу.

На стенке бочки Пётр нашёл метку поставщика: две пересекающиеся короны и букву «Б».

Фома Бриль продавал страх. Поставщик продавал войну. Возможно, это был один человек с очень хорошим бухгалтером.

Нелла отвела их в сторожку. Там сидели трое раненых, каждый с другого берега, если считать Петра отдельной страной. Фельдшер принимал всех, но расход бинтов записывал в две книги. На вопрос Мира он признался: если смешать отчёты, обе казны откажут в возмещении.

Пётр разложил перед ними кусочки фитиля. Волокно было пропитано маслом, которое использовали в королевских мастерских, а узел затянут способом восточных сапёров. Сама вещь старательно рассказывала две несовместимые истории. Мастер не верил в столь удачное совпадение.

— Это сделал человек, которому нужны оба моих подозрения, — сказал он.

Мира отправила гонца к отцу, Нелла — к маркизе. Письма начинались одинаково: «На мосту обнаружено устройство». Дальше каждое описывало находку с понятной своей стороне осторожностью. Евсей попросил разрешения прочитать оба текста. Они поссорились из-за одного слова: запад называл устройство восточным, восток — западным. После короткого спора слово вычеркнули в обоих письмах.

Нелла впервые посмотрела на Миру без привычного ожидания подвоха. Они нашли временный порядок: не перемещать войска, пока Пётр осматривает опоры; пострадавшим давать проход независимо от берега; каждому приказу требовать имя составителя и время отправки. За час это не стало миром. Зато троих раненых наконец перевели в сухую комнату, и у фельдшера появилась одна общая миска с чистыми инструментами.

Когда они вышли, Пётр догнал Евсея.

— Я видел этого мальчика, — сказал он о Шипе. — На мосту он всё время смотрит на солдатские факелы.

— Он помнит печь.

— Если заряды настоящие, его попросят греть металл. Люди всегда просят сильного сделать то, что им страшно просить у себя.

Евсей не ответил. Он уже решил, что не позволит никому распоряжаться огнём Шипа. Труднее было узнать, как спросить самого мальчика, чего он хочет, не превращая вопрос в ещё одно требование.

Глава 5

Посольство без права кусаться

Вечером Евсей прибыл к маркизе Аглае. Он заранее отправил записку: «Приеду без войска, без огня и без намерения похищать родственников. Прошу приготовить стул для Северина». Последнее условие вызвало у дворцовой охраны больше вопросов, чем первые три.

Маркиза была старше Миры на двадцать лет и носила строгий сюртук. На столе перед ней лежали карты, отчёты и яблоко, которое она не успевала съесть.

— Если вы способны остановить войну, почему не приказали обеим армиям разойтись? — спросила она.

— Потому что я не командую ни одной. А если бы командовал, сомневался бы ещё сильнее.

Аглая с любопытством посмотрела на него.

— Говорят, вы пацифист.

— Это слово употребляют люди, которым хочется, чтобы я произнёс «ничего не делать».

— И что вы произнесёте?

— Выведите раненых. Уберите фитили. Не стреляйте по тем, кто несёт воду. Дайте капитану Нелле право не выполнять ложный приказ. Для начала достаточно работы на один день.

Маркиза встала и подошла к окну. На площади вязали тюки с мукой. Люди готовились бежать раньше, чем их об этом официально уведомят.

— Отец Миры предлагает переговоры после того, как я признаю его права на мост.

— Вы предлагаете то же самое, только первым должен признать он. Мост, вероятно, чувствует себя польщённым.

— Есть сведения, что запад готовит оружие против драконов.

Евсей вспомнил рубцы Шипа и печи, в которых держали молодых драконов. В их мире подобное оружие уже было; его просто называли иначе.

— Покажите сведения Мире, — сказал он. — А я покажу ей вашу сторону. Она умеет сердиться на своего отца. Это полезный навык для переговорщика.

— Почему я должна ей доверять?

— Не должны. Доверьте ей один час и проверьте результат.

Аглая откусила яблоко, обнаружила, что оно кислое, и неожиданно улыбнулась.

— Вы ведёте переговоры хуже дипломатов.

— Слышал. Дипломаты тоже жаловались.

На выходе их остановил придворный секретарь. Он принёс список гостей предстоящего Праздника примирения, уже отпечатанный в типографии Бриля. Аглая прочла дату: завтрашний день.

— Я никакого праздника не назначала.

— Именно поэтому вас поставили главным гостем, — сказала Мира. — Без вас зрителям было бы неинтересно.

Во дворце Аглаи работала старая библиотекарьша Рута — та самая драконица, которую после жаровой камеры долгие месяцы учили спать столько, сколько ей хотелось. Теперь она хранила книги, а уголь в камин носили другие. Рута и Евсей встретились без торжественности: два существа, слишком много пережившие, обычно не нуждаются в длинном приветствии.

— Шип здесь? — спросила она.

— У моста.

— Тогда держите его подальше от любых слов «ради общего блага».

Рута показала счета на новое отопление. Клей предлагал быстро поставить котлы в каждой казарме, но договор связывал обслуживание с единственной принадлежащей ему компанией на двадцать лет. Маркиза отвергла предложение. Две недели спустя на границе появились слухи о драконьем нападении. Никакая строка в книге не доказывала причинной связи. Вместе они выглядели так, словно кто-то заранее подготовил ответ на вопрос, который собирался задать сам.

Аглая попросила передать Мире копии. Ей не нравилось доверять дочери соперника, однако ещё меньше нравилось узнавать о собственной войне из типографии Бриля. Они согласовали встречу на нейтральном острове ниже моста, если обоим правителям хватит терпения дожидаться утра.

На обратном пути Северин заметил, как Евсей останавливается у каждого придорожного огня. Дракон сказал, что после случая с Шипом и другими молодыми драконами смотрит на любой костёр слишком внимательно. Быть пацифистом при этом не значило верить, будто опасность исчезает от красивого слова. Он мог сломать пушки; тогда армии построили бы новые и стали бы ещё сильнее бояться его. Значит, нужно было найти тех, кто заряжал их без спроса, и тех, кто согласился стрелять.

Глава 6

Баллада о том как выгодно быть убитым

За ночь балаган Бриля разросся до ярмарки. На площади продавали две версии одной и той же баллады: «Как наш рыцарь убил дракона» и «Как наш дракон съел рыцаря». Слова отличались на два куплета, цена — на один медяк. Покупатели с обоих берегов считали свои версии исторической правдой.

Северин купил обе. В первой он умер, во второй победил. Ему впервые позволили выбрать исход собственной жизни по цене листка бумаги.

У печатного станка он увидел мальчишку, который подправлял буквы в форме. Звали его Лукьян. Отца призвали на западный берег, старшего брата — на восточный. Семья жила между двумя пограничными столбами, и обе армии записали её своей.

— Для кого ты печатаешь? — спросил Северин.

— Для того, кто платит сегодня. Если отец и брат встретятся, хочу накопить на двух врачей.

Это была хорошая шутка, если не смотреть мальчику в лицо.

Шип помогал таскать бумагу и заметил, что внизу афиши одинаковыми буквами напечатаны обещания обеих сторон. Из мастерской вышел Фома. Мира показала ему два ложных заявления.

— Откуда печати?

— Мне принесли готовые формы. Печати отлиты в городе.

— Кто принёс?

Фома пожал плечами. Затем увидел Лукьяна и плечи опустил.

— Человек из Управления чрезвычайного согласия. Магистр Силант Клей. Его подпись в накладной. Я думал, это реклама праздника.

— Вы никогда не думали о содержании того, что печатаете? — спросила Мира.

— Читал заголовок. Под ним всё обычно хуже.

Клей раньше ведал поставками для королевской канцелярии. После освобождения драконов он предложил обеим странам продавать новые котлы и уголь. Договор не приняли: казна не тянула цену. Теперь, когда над мостом висела война, те же котлы объявили стратегическими и закупили без торгов.

— Сколько он заработал? — спросил Северин.

Фома назвал число. Евсей пересчитал его в печные кирпичи, потом в зимы Шипа и промолчал.

— Где Клей? — спросила Мира.

— Завтра на празднике. Он будет вручать голубя мира.

— Живого?

— По договору поставки — бронзового. Живой дорого обходится в перелёте.

Лукьян провёл их в дальнюю комнату типографии. Там печатались не афиши, а бланки. Каждому военному сообщению придавали одинаковый вид: рамка, большая печать, строка «сведения проверены». Источник не указывали. Мальчик заметил, что наборщики порой получали новые тексты раньше, чем события, о которых в них сообщалось.

Он вынул из ящика вчерашнюю форму: «Героическая гибель западного патруля у моста». Патруль был жив и сейчас ел кашу у кузницы. В другой лежала такая же форма о восточных разведчиках.

— Я не могу уничтожить их сам, — сказал Лукьян. — Хозяин запишет долг за металл. Мне нужен отец дома, а не ещё одна цифра в книге.

Мира не попросила его быть героем. Она записала номера форм, забрала оттиски и велела Фоме закрыть заказ до проверки. Фома возразил, что подписал договор. Северин предложил заплатить стоимость металла из своей награды за давнюю ложную победу. Деньги впервые пошли на дело, от которого ему не хотелось отмыть руки.

Лукьян наблюдал, как уничтожают готовые заголовки. Он не выглядел счастливым. Ему предстояло объяснить хозяину, почему завтра не будет выпуска, а отцу — почему он всё это время печатал новости о чужой смерти. Мира оставила ему копию своего распоряжения с именем и подписью. Если взрослые хотят, чтобы ребёнок помог им исправить беду, взрослым следует первыми указать себя в бумагах.

Глава 7

Уголь который помнит имена

В городском складе уголь лежал рядами по происхождению: западный, восточный и «неустановленный». Последнего было больше всего. Приёмщик объяснил, что так удобнее вести учёт, когда происхождение написано сразу на двух мешках разными чернилами.

Мира пришла с Рутой и Шипом. Им требовалось выяснить, кто поставлял топливо после закрытия жаровых камер. Приёмщик встретил их радушно, пока не услышал слово «счета». Тогда вспомнил о срочном обеде, который начал готовить для себя неделю назад.

Рута нашла накладные на котлы Клея. В первые месяцы их покупали небольшими партиями для больниц, затем счета внезапно выросли. В графе «назначение» появились казармы у моста. Одна поставка датировалась днём, когда ни одна армия ещё не объявляла тревогу.

— Он мог предвидеть войну, — сказал приёмщик.

— Или заказать её вместе с котлами, — ответила Рута.

На мешках стояла ещё одна метка: маленькая буква «Л». Шип заметил её, потому что учился выводить такую же букву в имени Лукьяна. Приёмщик сказал, что метка принадлежит лодочнику Лавру. Тот возил уголь по реке и числился пропавшим после первого обстрела.

Евсей нашёл Лавра в деревне за мельницей. Лодочник не пропал: спрятался у сестры, когда два человека Клея потребовали подписать получение груза, которого он не перевозил. Отказ стоил ему лодки. Её нашли у восточного берега с западным флагом, привязанным так неумело, что ткань тащилась по воде.

— Я думал, они хотят украсть уголь, — сказал Лавр. — Не понимал, зачем им моя подпись.

— Для отчёта о поставке, которую потом назовут причиной войны, — предположила Мира.

Лавр показал копию маршрутного листа. По нему он якобы доставил ящики с оружием на восточный берег. На самом деле в тот день он перевозил больную женщину в западную лечебницу. Её имя стояло в книге приёма. Мира попросила разрешения взять копию листа;

Лавр согласился, если оригинал останется у него. Когда один человек уже отнял лодку, бумаги становятся похожи на берег: за них держатся крепче.

На обратном пути Шип спросил Руту, почему она так внимательно читает суммы. Рута ответила, что в жаровой камере ей каждый день говорили о дороговизне свободы. Она решила однажды узнать, во сколько оценивали её несвободу. В бумагах оказались копейки. Теперь она проверяла счета не потому, что любила числа, а потому, что знала: за смешной суммой тоже может стоять чья-то жизнь.

Глава 8

Деревня на двух картах

В деревне Бересты пограничный столб проходил через двор пекаря. Печь стояла на западе, дрова — на востоке. До войны это давало хозяину тему для разговоров и освобождало от части налогов: обе канцелярии считали его жителем соседней страны. После мобилизации обе признали своим.

Пекарь по имени Ефим встретил гостей хлебом вчерашней выпечки. Новый он не пёк: восточные солдаты могли забрать муку, западные — готовые караваи. Жена Ефима жила в соседней деревне и теперь должна была показывать пропуск, чтобы принести яйца.

— Вы бы видели лицо стражника, когда она сказала, что идёт к собственному мужу, — сказал Ефим. — Он велел подтвердить брак печатью. У нас дома печать только на банке варенья.

Мира помогла оформить проход. Нелла со своей стороны сделала то же. Через час жена Ефима принесла яйца, а вместе с ними список людей, которым лекарства и еда требовались сильнее пропусков. В списке была вдова с двумя детьми, старик с больной ногой и учитель, который не мог вернуться в школу на другом берегу.

Евсей предложил доставить лекарства по воздуху. Староста поблагодарил, но попросил сначала предупредить людей: если над деревней внезапно появится дракон с сумкой, половина лекарств понадобится от испуга. Они договорились о белой ленте на его лапе и времени прибытия. Шип нашёл ленту в сундуке Ефима. Она пахла мукой, и потому миротворческая миссия впервые показалась ему похожей на выпечку.

Первый перелёт прошёл спокойно, второй — нет. Западный часовой принял сумку за бомбу. Евсей приземлился, открыл её и показал пузырьки. Часовой смутился, потом спросил, кто разрешил их перевозку. Дракон назвал Миру и Неллу. Часовой записал имена; когда кто-то отвечал за решение, ему было легче отпустить чужую лапу от спускового крючка.

К вечеру Ефим испёк свежий хлеб. Солдаты с обоих берегов получили по краюхе. Восточный отказался сначала брать у западного пекаря. Ефим объяснил, что мука у него восточная, вода западная, а печь стоит так близко к столбу, что хлеб лучше не допрашивать. Солдат взял краюху.

Мира увидела в Берестах то, чего не было на карте отца: людям не удавалось делить жизнь на две аккуратные половины. Она переписала список нуждающихся для обоих правителей. В графе «сторона» оставила пустое место. Пустые поля в документах её тревожили, но это впервые было оставлено сознательно.

Глава 9

Человек с третьим ключом

Башня Клея имела два известных входа. Пётр, который когда-то чинил её крышу, знал о третьем: узкая дверь в старом водосбросе открывалась только во время паводка. Ключ хранился у смотрителя плотины. Смотритель заявил, что давно потерял его и вообще ничего не знает о башне, кроме её размеров, всех этажей и фамилий служащих.

Северин понял, что человек боится. Он не стал расспрашивать при страже. Они встретились после заката у мельницы, где шум воды мешал чужим ушам.

Смотрителя звали Глеб. Его дочь работала в Управлении чрезвычайного согласия и исчезла после того, как отказалась переписать дату приказа. Клей уверял, что девушка уехала на восток. Глеб не поверил: она никогда не оставляла младшего брата без записки.

— Я думал открыть водосброс и посмотреть сам, — сказал он. — Потом услышал выстрелы. Если меня задержат, мальчика не с кем оставить.

Северин предложил идти вместе. Глеб передал ему ключ и попросил вернуть, даже если замок окажется бесполезен. Иногда человеку важно получить назад хотя бы маленькую вещь.

Они вошли в башню ночью. В нижнем помещении лежали пустые формы приказов, связки печатей и ящики с медной проволокой. За перегородкой обнаружилась комната, где заперли троих служащих. Дочь Глеба была среди них. Она встала, увидела отца и сказала:

— Я же просила не делать глупостей.

— Ты не оставила записки, — ответил он.

— Меня не пустили домой.

— Вот поэтому и сделал.

Охранник у верхней лестницы услышал голоса. Северин закрыл дверь на засов, пока Глеб помогал людям выйти через водосброс. Один служащий вынес журнал исправленных дат. Там чернила ещё не успели потемнеть. На странице о нападении у моста первоначальная дата стояла на три дня позже даты напечатанного сообщения.

Когда они выбрались, восточный патруль потребовал сдать задержанных. Западный патруль тоже. Мира привела Неллу, и они вместе составили расписку о защите свидетелей с подписями обеих сторон. Документ получился длинным и некрасивым. Зато Глебова дочь наконец могла спать дома, не опасаясь, что её объявят сбежавшей преступницей.

Северин вернул ключ Глебу. Тот повертел его в руках и сказал, что теперь следовало бы поменять замок. Пётр обещал заняться этим после моста. В их краях всё, что требовало ремонта, уже стояло в одной очереди.

Глава 10

Урок истории для тех кто спешит

В Берестах снова открыли школу. Учитель оказался тем самым человеком из списка, которого переправа не пускала к детям. Он вернулся с тетрадями, на обложках которых ещё красовалась старая государственная карта. Половина класса жила по одну сторону линии, половина — по другую. До обстрела никто не замечал, что карта делит учеников у доски.

Учитель попросил Евсея рассказать о драконах. Дракон отказался читать общую лекцию: он знал только собственную жизнь и несколько чужих историй. Дети сочли это прекрасным началом.

Один мальчик спросил, правда ли рыцари обязаны убивать драконов. Северин, пришедший за Мирой, ответил первым:

— В старых книгах они обычно успевают до обеда. В жизни сперва нужно выяснить, что произошло.

Девочка с восточного берега подняла руку.

— Если чудовище действительно напало, можно защищаться?

— Нужно защищать людей, — сказал Евсей. — Но слово «чудовище» не объясняет, кто перед вами и что он сделал.

Дети спорили о сказке, где принцессу отдавали дракону ради спасения города. Одни считали виновным дракона, другие — короля, третьи — жителей, согласившихся на обмен. Мира рассказала, как её когда-то привезли к пещере. Она не описывала всё подробно; у детей уже хватало собственных тревог. Сказала лишь, что самое важное решение за неё приняли люди, которым было удобно считать её частью договора.

— А потом? — спросили дети.

— Потом дракон спросил, не хочу ли я воды. Это было неожиданно трудное начало новой истории.

Учитель предложил переписать сказку так, чтобы принцесса могла говорить. Один ученик дал ей меч, другой — карту, третий — право уйти. Шип нарисовал ей удобные ботинки: после долгой дороги торжественные туфли казались ему самым жестоким элементом старого сюжета.

На перемене дети играли в мост. У каждого был конец верёвки, а середину держали вдвоём. Не все умели делиться, и верёвка часто падала. Учитель не называл игру уроком мира: стоило произнести это вслух, дети немедленно потребовали бы перемену. Он просто оставил верёвку в классе.

Когда Евсей уходил, на доске осталась фраза: «Кто рассказывает историю, тот выбирает, где она начинается». Дракон прочёл её дважды. Клей начинал с выстрела. Рута — с закрытой топки. Мира — с телеги, переехавшей грядки. От выбранного начала менялось то, кого слушали дальше.

Глава 11

Письмо которое не отправили

Аглая получила анонимное предупреждение: Илар намерен похитить её племянника и потребовать мост в обмен на мальчика. У письма была королевская бумага, настоящая печать канцелярии и неверное имя племянника. Того звали Данила; автор написал «Даниэль», как в старом дипломатическом списке.

Маркиза сперва хотела сжечь лист. Потом подумала, что он уже подготовлен для того, чтобы его нашли на её столе. Она пригласила Миру и Неллу.

— Если я отвечу войсками, они скажут, что я первой нарушила перемирие. Если промолчу, кто-то попытается добраться до Данилы.

Мира предложила сообщить отцу напрямую. Аглая покачала головой: письмо могли перехватить и превратить в новое доказательство. Они написали короткую записку без обвинения: «У меня есть сведения об угрозе ребёнку. Прошу проверить его безопасность вместе». Подписи поставили обе женщины и Нелла.

Данила находился в саду у своей бабушки, изучал жуков и был недоволен охраной, запрещавшей ему залезать на дерево. Он согласился временно жить у Миры, если ему разрешат взять коробку с жуками. Евсей предоставил не только место, но и отдельную полку для коробки. Шип предупредил, что жуки могут научиться выходить, а взрослые ответили, что на всякий случай запрут дверь. Мальчики переглянулись: взрослые снова не поняли, что опаснее.

Ночью к саду действительно подошли двое людей. Они принесли верёвку, мешок и приказ от Управления чрезвычайного согласия о «временной охране несовершеннолетнего». Охранники задержали их без боя. Один признался, что ему обещали плату за доставку ребёнка в башню Клея. Он не знал, зачем мальчик нужен дальше. Второй упорно повторял, что просто выполнял приказ.

Илар получил записку и прислал ответ собственноручно: «Ребёнка не забирал. Согласен на совместную охрану». Аглая долго рассматривала короткие слова. Это был первый за годы обмен письмами, в котором никто не пытался назвать мост своим.

Утром Данила потребовал вернуть его к бабушке. Ему объяснили, почему пришлось увезти его ночью. Он сердился не на опасность, а на то, что ему не сказали правду сразу. Мира извинилась. Она слишком хорошо знала, как легко взрослые превращают чужую безопасность в повод не слушать самого человека.

Глава 12

Час без заголовка

В типографии Фома сломался пресс. Никакие заявления не выходили целый час. На площади люди беспокоились: отсутствие новостей казалось подозрительным после недели, когда каждую минуту объявляли решающей.

Фома ругался с механиком. Лукьян сидел у окна и наблюдал, как горожане спрашивают друг друга о событиях, которых никто не видел. Один уверял, что мост уже взорван. Другой — что король подписал мир. Третий — что дракон съел обоих гонцов, хотя Евсей в тот час торговался за гвозди у кузницы.

Лукьян вышел и написал на доске: «Пресс сломан. Подтверждённых новостей нет». Люди читали и отходили. Через десять минут на доске попросили уточнить, почему он сломан. Лукьян добавил: «Стерлась шестерня». Ещё через десять кто-то потребовал указать, кто виноват. Мальчик написал: «Проверяем».

К вечеру Фома починил станок. Первая напечатанная заметка сообщала именно о поломке и о том, что слухи о мосте не подтвердились. Она продавалась хуже страшных листов, зато утром в Берестах никто не спрятал детей в погреб из-за выдуманного взрыва.

Мира принесла Фоме журнал исправленных дат из башни. Он мог немедленно выпустить разоблачение Клея. Ей хотелось этого не меньше, чем ему. Но трое освобождённых служащих ещё давали показания, и публикация их имён подвергла бы их опасности. Фома впервые сам зачеркнул в наборе броский заголовок. Вместо него вышло сообщение о проверке документов без фамилий свидетелей.

— Читатели решат, что я стал скучным, — сказал он.

— Доживите до дня, когда сможете их удивить точными фактами, — ответила Мира.

Фома посмотрел на проданные листки и признал, что жить до такого дня, возможно, выгоднее. Мира ушла, прежде чем он предложил ей долю.

Глава 13

Королевский писарь меняет чернила

В канцелярии Илара работал писарь по имени Мартын. За двадцать лет он научился различать приказы по звуку, с которым начальники клали их на стол. Срочные хлопали. Важные шуршали. Опасные приходили ночью и требовали поставить вчерашнюю дату.

Мартын хранил бумагу с исходящими номерами в запёртом шкафу. Последнюю неделю номера перестали идти по порядку. Между приказами о закупке дров и ремонте казармы появлялись пропуска. Он попросил министра объяснить их. Тот посоветовал писарю больше отдыхать.

Вместо отдыха Мартын завёл вторую книгу. Он записывал не содержание секретных документов, к которым не имел доступа, а время, когда за ними приходили, фамилии гонцов и цвет печатного воска. Ночами он боялся, что делает глупость. Утром находил новый пропуск и продолжал.

Когда Мира пришла с журналом исправленных дат из башни Клея, Мартын сравнил записи. Три подложных распоряжения шли под исходящими номерами, которые его шкаф никогда не выдавал. Печати были настоящими, но бумагу никто в королевской канцелярии не учитывал.

— Кто получает воск? — спросила Мира.

Мартын показал список. Помимо министерства обороны его заказывало Управление чрезвычайного согласия. На одной накладной стояла подпись Клея, на другой — подпись помощника министра.

— Значит, помощник с ним заодно?

— Возможно. Или подписывал накладные, которых не читал. Здесь это почти семейная традиция.

Они нашли помощника в саду. Тот поклялся, что ничего не знал о ложных приказах, и попытался доказать это удивлением. Мира попросила перечислить документы, которые он подписывал за последнюю неделю. После третьего он остановился.

— Их было слишком много.

— Тогда назовите те, которые помните.

Помощник не смог. Ему разрешали подписывать за министра, чтобы ускорить работу. Он считал скорость служебным достоинством и никогда не спрашивал, кого обгоняет. Мартын предложил временно закрыть выдачу печатей и проверить каждый номер. Помощник возразил, что во время угрозы нельзя задерживать армию. Мира ответила: именно во время угрозы поддельный приказ успеваешь принести больше вреда.

Мартын получил на стол новую инструкцию. С этого дня каждый приказ должен был иметь запись в журнале, имя составителя и подтверждение получения командиром. Министр жаловался на бюрократию. Писарь согласился, что бумажной работы стало больше; зато первая за неделю ночь прошла без приказа, принесённого задним числом.

Вечером он вычеркнул из личной тетради слово «трус». Мартын до сих пор считал, что должен был поднять тревогу раньше. Мира сказала ему, что сохранённые записи помогли узнать путь подделок. Утешения в этом было мало, но смысл для следующего дня — достаточно.

Глава 14

Четыре лодки и одна граница

После закрытия моста лодочники стали единственными людьми, которые могли соединять берега. Казначейства одновременно установили цены на перевозку, каждое для своего участка реки. По новым правилам лодочник должен был брать плату дважды: за отплытие и за прибытие. Река не выразила отношения к тарифам, но люди выразили громко.

Старший лодочник Савва собрал товарищей у причала. У него было четыре лодки, девять гребцов и дочь, умеющая считать быстрее всех сборщиков пошлин. Он предложил возить раненых бесплатно, еду по себестоимости, а торговые грузы по цене, которую можно объяснить человеку, не читавшему два постановления.

— Вас обвинят в обходе правил, — предупредила Нелла.

— Пусть сначала объяснят, по какому берегу я обхожу воду.

Мира договорилась о временном разрешении, но западный таможенник отказался его признавать: восточная подпись стояла выше западной. Нелла переставила лист в папке вверх ногами. Теперь обе подписи находились на одинаковой высоте. Таможенник решил, что в таком виде документ можно передать начальству.

Первой переправили женщину с больным ребёнком. Второй рейс заняли мешки муки для Ефима. На третьем Савва вёз восточного солдата и западного фельдшера. Оба молчали до середины реки. Там солдат спросил, способен ли фельдшер помочь товарищу из его роты. Фельдшер ответил, что рану сначала надо увидеть. Они поехали дальше вместе.

К вечеру Савва заметил, что за ним наблюдают из башни Клея. На берегу появились новые сборщики в незнакомой форме. Они требовали свидетельство на каждую перевозку и предупреждали о конфискации лодок. Нелла приказала своим людям не подпускать их к причалу, Мира сделала то же со своей стороны. Сборщики пообещали пожаловаться Клею.

— Передайте ему расписание, — сказал Савва. — Завтра в шесть утра начну снова.

Утром одна лодка оказалась испорчена: кто-то прорезал дно тонким ножом. Савва починил её, но запомнил размер разреза. Подобным ножом вскрывали почтовые пакеты в Управлении. Это ничего не доказывало; слишком много людей пользовались такими ножами. Он записал повреждение и попросил дочь зарисовать его в своём альбоме — не для красоты, а чтобы однажды никто не сказал, что дыры не было.

Шип принёс лодочникам четыре связки сухого камыша для временной заплаты. Он признался, что боится плавать. Савва предложил не заставлять себя: человек или дракон может помогать на берегу. Шип впервые услышал это от незнакомого взрослого и сразу помог ещё охотнее.

Вечером в лодке нашли письмо из Берестов. Жена Ефима благодарила за муку и спрашивала, сколько должна за проезд. Савва написал на обороте: «Испеките хлеб для следующего рейса». Его дочь сказала, что такой счёт трудно внести в книгу. Савва ответил, что иногда книга должна учиться у жизни.

Глава 15

Тот кто нажимает на спуск

Западный трубач Артемий был восемнадцатилетним новобранцем. Из всех военных навыков он лучше всего умел распознавать настроение лошади. Трубку ему дали после того, как выяснилось, что она у него есть: инструмент остался от деда, который играл на свадьбах.

В штабе его учили сигналу наступления. Мелодия состояла из трёх коротких звуков и одного длинного. Артемий выучил её быстро. Затем спросил, кто решает, когда играть. Ему ответили: командир. Он уточнил, кто приказывает командиру. Ответ оказался длиннее мелодии и менее понятным.

Накануне движения войск Артемий увидел, как через лагерь ведут восточного солдата. Пленного сопровождали без грубости, но не позволили взять из палатки письмо. Артемий подобрал лист, чтобы отдать. В нём не было разведывательных сведений — просьба к матери пришить пуговицу к зимней куртке, когда он вернётся. В конце стояла та же деревня, где жила тётка самого Артемия.

Он отдал письмо пленному и получил выговор за разговор с противником. Вечером послал тётке записку: «Если встретишь мать человека по имени Данко, скажи, что он жив». Ничего героического в этой фразе не было. Он надеялся, что хотя бы её успеют доставить.

Утром командир велел трубить сбор. Артемий исполнил. Затем — готовность. Он исполнил и её. Приказ наступления ещё не поступил, но он уже представлял, как поднесёт трубу к губам. Отказ мог закончиться судом. Послушание — чужой смертью. Оба исхода казались слишком большими для человека с инструментом, предназначенным когда-то для свадьбы.

Северин нашёл его у коновязи. Они были знакомы: рыцарь однажды помог разнять двух лошадей, споривших о пустом ведре. Артемий спросил, может ли солдат отказаться от сигнала, если сомневается в приказе.

— Не знаю, — честно сказал Северин. — Я однажды не отказался от лжи, которую считал безвредной. Она потом прожила три года вместо меня.

— Это не похоже на совет.

— Мне бы тоже хотелось получить совет, который решает всё заранее.

Северин показал ему копию приказа об остановке, который пытались доставить командирам. Пока она не имела силы для Артемия: не пришла официальным путём. Но он узнал подпись короля. Если приказ застрянет, он попросит командира проверить его, прежде чем трубить. В военном уставе для этого не нашлось красивого названия. Зато вопрос можно произнести обычным голосом.

Дедова труба осталась у него в руках. Артемий протёр медь и решил, что когда вернётся, снова будет играть на свадьбах. Это желание показалось маленьким только людям, никогда не слышавшим сигнал наступления изнутри собственной груди.

Глава 16

Два короля в одной кухне

Илар и Аглая встретились на нейтральном островке, как договорились, но накануне прошёл дождь. Островок превратился в полосу грязи. Советники предложили перенести перегово-

воры; оба правителя, уже проделавшие путь, отказались уступить погоде то, чего не уступали друг другу.

Пётр привёл их в сторожку у плотины. Кухня была маленькая, и свита осталась снаружи. За столом сидели Илар, Аглая, Мира, Нелла и Евсей, которому пришлось просунуть голову в открытое окно. Пётр поставил чайник; собственное участие в переговорах он счёл достаточным при таких условиях.

— Мост принадлежит нам по праву строительства, — начал Илар.

— Вашему прадеду принадлежала половина камня, — ответила Аглая. — Мой прадед оплачивал труд мастеров.

— А мой прапрадед держал лес, из которого делали опалубку, — сказал Пётр. — Сейчас от неё ничего не осталось. Может, начнём с того, что ещё есть?

Они разложили договор Варфоломея. Пустое приложение о собственности выглядело особенно нелепо в тесной комнате, где всем приходилось просить соседа подвинуть чашку. Аглая предложила совместный надзор до конца расследования. Илар согласился, если солдат с обеих сторон будет поровну.

— Поровну по людям или по числу опасных приказов? — спросила Нелла.

Мира указала, что охрана без общей связи даст два караула, готовых подозревать друг друга. Пётр предложил поместить их не на мосту, а у причалов, где нужно защищать перевозки. Возражения были, но в них впервые появилась мера безопасности, которую можно проверить на месте.

За окном Евсей слушал, как два взрослых человека многократно произносят слово «честь». Всякий раз после него разговор переставал двигаться. Он попросил разрешения задать неприлично практический вопрос: сколько мешков муки должны пройти завтра.

Пётр назвал число. Савва мог перевезти половину, если никто не конфискует лодки. Илар позвал своего таможенника. Аглая — своего. Им велели оформить общий пропуск на муку до полуночи. Советники за дверью занервничали: подобное соглашение помещалось на одной странице и не требовало их пояснительных записок.

О мосте окончательно не договорились. Зато лодки утром вышли без задержки. Мира записала именно это, когда составляла итог встречи. Слово «историческая» не использовала: день был слишком мокрым и слишком занят обычной работой.

Перед уходом Аглая заметила, что Илар привёз собственный чай. Он объяснил, что боялся отравления. Она призналась, что тоже. Пётр посмотрел на их закрытые фляги и сказал, что кухонный чайник пережил куда более опасные вещи, включая его первые попытки готовить. Оба попробовали чай. Он был крепким, но для международного инцидента недостаточным.

Глава 17

Письма с неправильного берега

Леда узнала о новом конфликте из письма Миры. Она работала в лечебнице и уже знала, как обычная тревога превращается в поток людей, которым помогли бы сутки без выстрелов. Её собственное прошлое давало ей мало права читать нравоучения, но достаточно опыта, чтобы подготовить койки и перевязочный материал.

Она писала Евсею старые истории о его детстве и новые — о людях, которых принимала. После потери воспоминаний дракон складывал её письма в сундук с надписью «Это я узнаю впервые». Теперь туда попало послание с короткой фразой: «Шипу не нужно доказывать, что он полезен огнём». Леда попросила прочесть ему её вслух.

Евсей прочёл. Шип выслушал, потом спросил, почему все заранее думают, что он захочет греть металл.

— Потому что привыкли видеть в драконе топку, — ответил Евсей.

— А ты?

— Я боюсь, что тебе самому покажется, будто иначе ты нас подведёшь.

Шип долго молчал. Он не хотел снова оказаться запертым. Но при мысли о падающем мосте чувствовал другую тяжесть: если он способен помочь, как ему стоять в стороне? Евсей предложил отложить решение до момента, когда станет ясно, в чём именно нужна помощь. Шип согласился, хотя ждать оказалось труднее, чем геройствовать в воображении.

Леда прислала также письмо Нелле. В нём она предлагала лечебнице принимать раненых с любого берега и просила прислать сведения о лекарственных запасах. Нелла передала предложение своему начальству. Ответ пришёл через три дня: согласие при условии раздельного учёта. Леда ответила, что учёт будет раздельным, а вода для мытья рук — общей. Начальство не нашло в этом нарушения.

Врач Вера, пережившая историю жаровых камер вместе с ними, приехала проверить полевой пункт. Она застала двух санитаров, споривших, чей раненый первый. Вместо выговора попросила их назвать состояние обоих. Тот, кому было хуже, получил помощь раньше. Санитары продолжали спорить о принадлежности, пока работали. Вера сочла это приемлемым: руки у них двигались правильно.

Леда при встрече с Мирой не просила простить прежние решения. Они вместе сортировали бинты и составили список людей, умеющих наложить шину. За работу можно было отвечать сегодня, не превращая её в оправдание вчера. Мира сказала, что это похоже на починку моста. Леда возразила: мосту легче, у него нет памяти. Потом вспомнила Евсея и добавила, что отсутствие памяти тоже не делает жизнь простой.

Глава 18

Утро которое изготовили заранее

За день до наступления в башне Клея готовили речь о защите мирного населения. В одном экземпляре говорилось, что западная армия отразила внезапную атаку. В другом — что восточная спасла мост от западных поджигателей. Оба текста заканчивались предложением закупить котлы у известного поставщика. Имя поставщика в черновике забыли заменить: «Силант Клей» стояло внизу обеих страниц.

Мартын передал Миру копии через Савву. Чтобы избежать досмотра, лодочник вложил листы в обложку руководства по ловле окуня. Пограничник пролистал первые страницы, увидел рисунки рыбы и отпустил его, пожелав улова. Савва сказал, что улов будет исключительный, если бумага доплывёт сухой.

Мира показала тексты Аглае и Илару. Каждый сначала узнал только версию, где его сторона выглядела жертвой. Затем прочёл вторую. Король предположил, что Клей собирается продать речь победителю. Аглая заметила, что победитель для него не имеет значения; деньги заплатят оба народа.

Они приказали арестовать Клея, но канцелярия сообщила: магистр сейчас находится на территории другого государства. Через час оттуда ответили то же самое. Башня с двумя входами снова оказалась удобнее закона. Нелла предложила перекрыть оба выхода одновременно. Советники потребовали отдельное соглашение о пересечении порога.

Пока они согласовывали формулировку, Клей разослал армиям последние сообщения. На западе утверждали, что восточные сапёры уже минируют мост. На востоке — что западные пушки наведены на крепость. В каждом утверждении была часть наблюдаемой правды: сапёры действительно работали у опор, а пушки действительно стояли лицом к крепости. Ложь пряталась в намерении, которое бумага приписала людям без доказательств.

Северин предложил разослать копии двух речей прямо командирам. Министр возразил: секретные материалы нельзя показывать армии. Мира спросила, кому тогда их показывать, когда армия уже собирается выполнить секретную ложь. Разрешение дали после долгого спора; курьеры отправились поздно.

Фома Бриль напечатал короткое объявление без обвинения: «Оба правительства проверяют сведения о мосте. До подтверждения не переходить к боевым действиям». На западе его назвали восточной уловкой, на востоке — западной. Фома развесил листки на обоих берегах и утешил себя тем, что одинаковые жалобы иногда подтверждают правильный тираж.

Ночью Шип сидел с Евсеем у дороги. Они видели огни лагерей и слышали, как перемещают телеги. Мальчик спросил, достаточно ли им доказательств, чтобы никто не выстрелил. Евсей сказал, что доказательства нужны людям, но сами по себе не держат руки. Завтра каждому придётся решить, что делать с полученным знанием. Шип крепче обнял лейку и не стал спрашивать, как поступит он сам.

Глава 19

Проверка на месте

Мира потребовала провести опыт с ложными приказами. Министр обороны назвал слово «опыт» неподходящим для государства на грани войны. Она согласилась назвать это проверкой и велела ему пригласить трёх командиров.

Каждому показали один и тот же лист без подписи: «Противник готовит удар. Принять меры». Первый приказал выводить артиллерию. Второй — запереть мост. Третий спросил, кто написал сообщение, и стал ждать ответа. Министр счёл третьего нерешительным. Через час выяснилось, что проверочный лист составила сама Мира. Первые двое уже успели отдать реальные приказы своим людям.

— Я предупредила, что это опыт, — сказала она.

— Но не их, — возразил министр.

— В настоящем деле Клей тоже никого не предупредил.

Третьего командира звали Тимофей. Он не был смелее остальных: недавно его рота по ошибке провела ночь у склада, охраняя чужие бочки. После этого он решил спрашивать происхождение каждого срочного известия, даже если начальство назовёт его осторожность слабостью.

Мира предложила разослать командирам порядок проверки. Министр опасался задержки. Тимофей ответил, что проверка занимает минуту, если рядом есть связь, и всю жизнь, если приказ окажется ложным. Ему не хотелось звучать мудро. Он просто хотел больше не ночевать у пустых бочек.

На восточном берегу Нелла провела похожую проверку без предупреждения. Она послала патрулю слух, что западные солдаты переодеты купцами. Часовые задержали настоящих купцов, потом два часа пытались отличить у торговцев муку от подозрительного груза. Один купец показал квитанции, другой — прилипшее к рукам тесто. К полудню патруль извинился.

— Почему вы поверили? — спросила Нелла.

— Сообщение пришло из штаба.

— Из штаба пришли слова. Глазами вы видели людей с мукой.

Солдатам это не понравилось. Им казалось, что от них требуют быть и исполнителями, и судьями. Нелла согласилась: командование обязано давать сведения с источником и способом проверки. Она сама подписала новый порядок. Вечером один из часовых принёс ей известие о восточной колонне на западной дороге. Вместо тревоги они послали разведчика. Колонна оказалась стадом коз, которых перегоняли к пастбищу. Рота потеряла десять минут и сохранила день.

Евсей слушал отчёты у сторожки. Он сказал Мире, что назвать сомнение полезным проще, чем позволить подчинённому возразить в решающую минуту. Она ответила, что поэтому проверка должна начинаться наверху. Первый вопрос королю уже задан. Король сердится. Это, по её мнению, означало, что вопрос достиг адресата.

Глава 20

Ограниченное чудовище

К северу от Берестов жил дракон Савватий. Он любил овсяную кашу, боялся высоты и ни разу не видел столицу. После освобождения молодых драконов ему предложили должность при новой системе отопления. Савватий отказался, потому что не хотел работать у печи. С тех пор чиновники называли его неблагодарным.

Когда началась тревога, ему принесли контракт на военную службу. В нём обещали защиту и регулярное питание, если он согласится присутствовать на парадах у границы. От него не требовали огня. Достаточно было расправить крылья над войском, чтобы другая сторона испугалась. Савватий не понимал, как отказаться от работы, которая состоит из чужого страха.

Он приехал к Евсею ночью. У калитки оставил контракт и мешок овса.

— Я пытался объяснить, что меня самого пугают толпы, — сказал он. — Они ответили, что это придаст образу достоверность.

Евсей прочёл документ. В приложении значилось: дракон не вправе самовольно покидать позицию при сигнале опасности. Его опять хотели сделать орудием, на этот раз без огня. Шип спросил Савватия, зачем тот привёз овёс. Оказалось, он опасался не получить ужин за разговор с «подозрительным» драконом.

Рута пришла утром и помогла составить отказ. Она знала, насколько трудно написать «не согласен», когда тебе годами объясняли, что твоё согласие уже подразумевается. Савватий подписал лист, подержал его в лапах и спросил, станет ли после этого свободнее. Рута сказала, что бумага лишь начало; если за ним придут, он будет не один.

Начальник набора всё-таки приехал. Он назвал Савватия необходимым для обороны и обвинил Евсея в подрыве боевого духа. Евсей предложил разъяснить солдатам, почему оборону государства строят на существе, которое дрожит от одного вида трибуны. Начальник не захотел давать таких разъяснений при своих людях.

Мира вмешалась как представитель Совета. Контракт был добровольным; отказ не требовал причины. Начальник попытался сослаться на чрезвычайное положение, но соответствующий указ касался людей и не содержал драконов. Он обещал добиться поправки. Мира пообещала прочитать её первой.

Савватий остался на два дня. Он чинил забор, ел кашу и однажды осмелился подняться на низкий уступ. Шип держал внизу мешок с мягкой соломой, хотя дракон вчетверо крупнее мешка. На третий день Савватий вернулся домой по собственной воле. Это была его первая поездка, завершившаяся не по расписанию чужого приказа.

Позже на границе всё же увидели дракона: Евсей сел на мост, чтобы остановить армии. Один солдат узнал Савватия по описанию и удивился, что тот больше не дрожит. Другой сказал, что драконы, видимо, умеют меняться за ночь. На самом деле перед ними сидел другой дракон, и это различие однажды могло спасти кому-то жизнь.

Глава 21

Телега без флага

На рассвете Нелла заметила телегу, медленно двигавшуюся к мосту. Флага на ней не было, возница держал поводья так, словно лошадь сама знает дорогу. За ним под полотном лежали длинные ящики.

Разведчики сочли груз оружием. Западный часовой сообщил то же по своей цепочке. Оба берега начали готовить людей. Телега остановилась у середины, и возница вышел с листом бумаги, где крупно было написано «для школы».

В ящиках оказались парты. Старые столы из восточного села должны были попасть в Бересты, где после временного жилья детям не хватало мебели. Возницу никто не предупредил о новых правилах переправы; отправитель считал, что школа — достаточная причина проезда. Стража проверила ящики. Под одной партией нашли запас гвоздей, завёрнутых в плотную

бумагу. Западный солдат покраснел: ещё минуту назад он докладывал о железных наконечниках.

Нелла не стала высмеивать его. Издалека длинные ящики действительно напоминали оружейные. Она попросила запомнить следующий шаг: после сходства нужно посмотреть внутрь. Солдат осторожно вынул парту и помог отнести её к лодке.

Учитель Берестов ждал груз у причала. Он привёз детям старые учебники. На полях предыдущие ученики рисовали чудовищ, карикатуры на учителей и иногда правильные ответы. Книги разных берегов использовали разные даты для разделения королевства. Дети быстро заметили расхождение. Учитель предложил записать обе даты и спросить, почему каждая появилась. Так урок истории начался с простого несогласия, которое не требовало пушек.

Шип помогал ставить парты. Под одной он нашёл выцарапанное имя. Его бывший владелец мог давно вырасти и забыть надпись. Мальчику понравилось, что вещь прожила чужую историю и теперь пригодится людям, которых прежний хозяин не знал.

После разгрузки телега должна была вернуться пустой. Возница попросил взять пассажиров: мать с младенцем и старого кузнеца, которому требовалась помощь врача. Бумага решала только мебель. Часовой замялся. Нелла велела записать пассажиров и пропустить, если свободное место безопасно. Он записал и впервые не прятался за графой «груз».

К полудню слух о телеге разошёлся. В одних рассказах она перевозила пушки, в других — заложников, в третьих — волшебное оружие, способное заставить всех читать документы. Фома Бриль хотел напечатать последнюю версию в виде шутки. Мира попросила указать внизу: «На деле привезли парты». Фома вздохнул: его читатели могли принять это за слишком тонкий юмор.

Глава 22

Переговоры с отсутствующим

Клей редко приходил на встречи, которые назначал сам. Он присылал письма с точными условиями и расплывчатыми подписями. Однажды Нелла и Мира одновременно получили приглашение в башню. Каждой обещали показать доказательства предательства другой стороны, если она явится без сопровождения.

Они пришли вместе. Двери оказались закрыты, на крыльце лежал конверт. Внутри — два пустых листа и записка: «Ваше присутствие уже доказывает переговоры». Через час Фома получил текст будущей заметки: представители обеих сторон тайно встретились у Клея, чтобы согласовать действия против населения.

— Он делает событие из нашего прихода, — сказала Мира.

— Тогда покажем, зачем пришли, — ответила Нелла.

Они открыто записали время приглашения, содержимое конверта и имена свидетелей. Пётр оказался неподалёку с инструментом; его попросили подтвердить, что дверь не открывали. Он предложил заодно починить заевший замок. Нелла сказала, что пока лучше оставить его в нынешнем состоянии: закрытая дверь впервые помогала делу.

Фома получил их запись до того, как напечатал ложную заметку. Он показал оба текста наборщикам. Один спросил, какой принесёт больше денег. Другой — какой из них правдив. Фома велел собрать второй и долго делал вид, что решение вызвано исключительно уважением к будущим судебным расходам.

Клей ответил новым письмом. Он утверждал, что приглашения подделаны. Мира сохранила конверты: воск совпадал с печатями, полученными из королевской канцелярии, а бумага — со счетами на котлы. Совпадения не доказывали, кто диктовал слова, но показывали, где искать мастера.

Нелла предложила ему встретиться публично у моста. Клей отказался, сославшись на опасность для мирного процесса. Он любил проводить переговоры между людьми, которых не пускал друг к другу. Открытая встреча лишала его посредничества.

После этого Мира и Нелла стали обмениваться короткими сообщениями напрямую. В первый день они потратили половину времени на то, чтобы проверить гонцов. Во второй — договорились о пароле, который знали только они. В третий обнаружили, что проще записывать дату и звонить из сторожки, где обе стороны слышат вопрос. Связь не породила дружбы, но резко сократила число воображаемых нападений.

Когда начался настоящий сигнал тревоги, они уже знали, какой голос на другом берегу ответит. Этот навык не выглядел героическим. Им невозможно было украсить монету. Зато он пережил несколько попыток Клея говорить вместо них.

Глава 23

Брат против брата согласно схеме

Утром западный лагерь получил приказ наступать. Восточный получил предупреждение о наступлении за час до того, как приказ дошёл до западных солдат. Клей строил события аккуратно: каждой стороне он оставил возможность назвать себя защищающейся.

Мира и Нелла провели ночь над копиями распоряжений. Везде стояли настоящие подписи низших чиновников, которые подтверждали получение, но нигде — решение правителя начать войну. Чтобы привести армию в движение, оказалось достаточно заставить десятерых людей выполнить по одной небольшой обязанности.

— Если спросить каждого, никто войны не хотел, — сказала Нелла.

— А она уже стоит на ногах, — ответила Мира.

Северин прошёл через строй. На западной стороне он встретил отца Лукьяна. Человек проверял ремень и рассказывал товарищу, что у него на востоке брат жены. На восточной стороне стоял старший сын. Он попросил передать отцу, что здоров, и не говорить матери, насколько боится.

К полудню войска подошли к мосту. Сигнальные флаги подняли сразу с двух берегов. Евсей сел поперёк пролёта. По ширине мост вполне вмещал его и почти не вмещал чужую гордость.

— Уберите дракона! — крикнул западный полковник.

— Это ваш дракон! — ответил восточный.

— На сегодня ничей, — сказал Евсей.

Полковник приказал лучникам стрелять по верх головы. Стрела попала в доску рядом с Шипом. Евсей услышал, как мальчик втянул воздух, и почувствовал древнее, очень простое желание: выдохнуть огонь. Один выдох решил бы спор о том, кто сильнее. После него пришлось бы решать другие вопросы — кто похоронит людей и как жить тому, кто это сделал.

Он сломал стрелу пополам и бросил половинки в реку.

— Отойдите к берегам. На мосту дети.

— Драконёнок вооружён! — заявил полковник.

Шип держал лейку. Он посмотрел на неё, затем на полковника.

— Воды не пожалею.

Некоторые солдаты засмеялись. Полковник не любил смех в строю; приказал трубить наступление. Трубочник поднял инструмент, увидел на другом берегу знакомого кузена и сделал вид, что проверяет клапан.

Нелла спустилась к опорам и велела своей роте отойти. Её помощник потребовал письменный приказ. Она написала его на обороте ложного заявления Евсея. Молодой солдат взял листок и впервые за сутки облегчённо выдохнул: ответственность снова имела чьё-то имя.

В стане установилась странная тишина. Солдаты переговаривались, но никто не хотел произнести слово «начало». Каждый ждал, что его скажет кто-то выше по должности. Повар накормил людей на час раньше, словно это могло отодвинуть приказ.

Шип принёс на мост две кружки воды: западному часовому и восточному. Первый отказался, потому что его могли обвинить в разговоре с драконом. Второй выпил и положил пустую

кружку на середину доски. Её не смогли отнести обратно, не нарушив границу. Так кружка простояла до вечера, став самым дешёвым памятником переговоров.

Евсей спросил мальчика, почему он всё-таки приехал. Шип долго мял рукав.

— Когда вы ушли, я подумал: если случится беда, ты скажешь, что оставил меня в безопасности. А я буду знать, что побоялся ехать.

— Ты имел право бояться.

— Я знаю. Только хочу сам выбирать, что делать со страхом.

Евсей предложил ему задачу: отмечать, кому необходима помощь, и говорить об этом Нелле, Мире или ему. Никаких подвигов по заказу. Шип согласился, но попросил не называть его наблюдателем: это звучало как работа человека, которому не доверяют лейку.

Перед тем как войска подошли, он заметил повозку с больными за западными щитами. Командир забыл, что у заставы оставили людей, не способных быстро уйти. Нелла послала за ними четверых, Мира открыла проход. Пока обе стороны переносили носилки, наступление отложили на четверть часа. Это была маленькая отсрочка, добытая без оружия. Шип запомнил её точнее, чем собственную удачную шутку о воде.

Глава 24

Принцесса не ждёт спасения

В старой балладе принцесса сидела у столба до появления рыцаря. Мира нашла этот порядок неудобным и отправилась в королевскую ставку сама.

Илар Четвёртый встретил дочь у карты. Отметки на ней передвигали его генералы; он временами поправлял их, будто боялся, что в собственном королевстве недостаточно пригодных мест для беды.

— Аглая должна отвести войска, — сказал он.

— Нелла уже отвела роту. Ты получил об этом донесение и задержал его.

Король отвернулся. Он был человеком, который один раз отправил дочь к дракону и потом прожил достаточно долго, чтобы узнать последствия. С тех пор он искал решения, позволяющие никого не отправлять лично. Войска подходили идеально.

— Если уступлю мост, меня сочтут слабым.

— Ты не уступаешь мост. Ты отказываешься хоронить из-за него людей.

— Это так легко звучит в устах человека, у которого нет государства.

— У меня есть люди в нём. Раньше ты считал это достаточной причиной слушать меня.

Мира положила на карту два приказа, оба без подписи правителя. Рассказала о фальшивых бочках и печатях. Илар читал медленно. Ему хотелось поймать Клея, прежде чем признать, что сам месяцами подписывал закупки, не задавая вопросов.

— Ты веришь дракону? — спросил он.

— Я проверяю его слова, — сказала Мира. — Он не обижается.

Это было неправдой: Евсей иногда обижался, особенно если проверяли его возраст по длине хвоста. Но Илар впервые за день улыбнулся.

Он написал остановить наступление и велел передать приказ лично всем командирам. Мира взяла первый экземпляр. Отца она не обняла. Между ними ещё оставалось слишком многое для быстрых движений.

На выходе министр обороны сообщил, что королевский курьер задержан у моста. Путь перекрыт постановлением Управления чрезвычайного согласия.

— Давно оно командует моей армией? — спросил Илар.

Министр произвёл выражение лица, которое за много лет службы развил специально для таких вопросов.

— С момента вашего распоряжения ускорить согласование, ваше величество.

В шатре Илара стояла та самая монета с победой Северина — подарок министра обороны. Мира положила её рядом с неподписанными приказами. Отец понял, что она снова говорит о прежней ошибке, и хотел убрать монету, но оставил на столе.

— Ты хочешь, чтобы я при всех сказал, что был трусом? — спросил он.

— Я хочу, чтобы люди перестали исполнять твой страх как государственную программу.

Илар сел. Раньше он мог приказать дочери замолчать; теперь она приходила с документами, за которыми стояли жизни незнакомых людей. Он рассказал, что министр дважды предупредил о заговоре Марки и однажды принёс настоящее донесение о тайном складе оружия. После этого король перестал проверять следующие бумаги. Ложь удобно растёт рядом с правдой, если ей выделили место.

Мира попросила показать первое донесение. Склад оказался частным, принадлежал компании Клея, а оружие купили обе стороны. У короля возникло выражение человека, который открыл дверь и обнаружил, что давно стоит в собственной кладовой.

— Подпиши остановку, — сказала она. — Потом вместе разберёмся, кого ты слушал.

Илар подписал. Слишком поздно для всех уже сказанных слов, но пока ещё вовремя для тех, кто стоял у моста. Мира сама взяла лист. Ей не хотелось, чтобы отец счёл этот поступок прощением. Ей хотелось доставить приказ.

Глава 25

Управление чрезвычайного согласия

Силант Клей принимал посетителей в башне у моста. У него был кабинет с двумя входами: один со стороны королевства, другой со стороны Марки. Над дверями висели разные гербы; на стене внутри — одна касса.

Когда Евсей вошёл, Клей отсчитывал печати для завтрашних документов.

— Дракон-пацифист, — сказал он, не поднимаясь. — Красивое название. Я уже зарегистрировал его для серии горячих напитков.

— Верните приказы курьерам.

— Не могу. Их доставят, когда возникнет необходимость в мире.

— Она возникла вчера.

Клей развёл руками.

— Необходимость должна быть подтверждена обеими сторонами. Сначала небольшое столкновение. Потом соглашение. На восстановление моста уже выделены средства. Мы создадим рабочие места.

— Мост ещё стоит.

— Вы упорно мешаете развитию отрасли.

На столе лежал чертёж настоящего заряда. Фальшивые бочки должны были отвлечь от новых, заложенных в опору ниже воды. Когда войска зайдут на пролёт, мост рухнет. Клей сразу получит три заказа: новый мост, новые пушки и памятник погибшим.

Шип, стоявший в коридоре, услышал последнее и шепнул Северину. Тот двинулся к лестнице. Стража перекрыла проход.

— У вас есть доказательства? — спросил Клей, заметив взгляд Евсея.

— Чертёж на столе.

— Рабочий проект. Вы же не станете красть бумаги? Пацифисту положено соблюдать закон.

Евсей взял чертёж. Стража потянулась к оружию.

— Мне положено не убивать людей, — сказал дракон. — Остальное вы придумали сами.

Он прижал лист когтем и выбил наружную дверь хвостом. Доски разлетелись, не задев стражников: Евсей заранее попросил их отойти. Просьбу выполнил лишь один; остальным пришлось осваивать осторожность задним числом.

Снизил донёсся сигнал тревоги. Клей вскочил.

— Вы заплатите за ущерб казённому имуществу!

— Пришлите смету. У вас получится великолепно.

Дракон вынес чертёж на площадь, где уже собрались Мира, Аглая и десятки людей, бывших на Праздник примирения. Фома Бриль узнал свою афишу у дверей башни: «Последнее предупреждение». Впервые заголовок показался ему точным.

В башне Клея Евсей увидел шкаф с папками. На корешках были написаны названия возможных бедствий: «Перебои с мукой», «Пограничный пожар», «Драконье вмешательство». К каждому прилагались проекты чрезвычайных закупок. Клей готовился не к одной войне. Он держал запасные.

— Вы бы получили больше, если бы помогли построить обычную переправу, — сказал Евсей.

— Обычная переправа требует торгов. Бедствие торопится и не сравнивает цены.

На другой стороне кабинета висел портрет Клея в мундире, которого он никогда не носил. Себя он уже вписал в будущие учебники как спасителя. Евсей подумал о собственном лице на монете Северина: чужая история может долго жить даже после того, как её участники умирают.

Клей нажал звонок для стражи и предложил сделку. Дракон публично объявит угрозу с востока, затем окажет западной армии поддержку без нападения. После победы все получают благодарность и деньги на восстановление. Евсей спросил, сколько людей предусмотрено потратить для убедительности. Клей отвёл глаза к чертежу.

— Расчёты ведёт другое ведомство.

— Удивительно удобно иметь ведомство для совести.

За стеной Шип слышал голоса. Он хотел ворваться внутрь, но Северин удержал его. Вместо этого мальчик прошёл в нижнюю мастерскую и нашёл рабочих, крепивших замки на ящиках. Им сказали, что это оборудование для праздника. Он показал им кусок чертежа через окно. Один рабочий узнал свою подпись под заказом и потребовал от стражи открыть выход. Когда Евсей выбил дверь наверху, внизу уже спорили не о том, как удержать дракона, а о том, кто позволит людям уйти из башни.

Глава 26

Голубь сделанный из тяжёлого металла

Праздник начался раньше назначенного времени. Это случается, когда зрители понимают, что они и есть участники.

На площади перед башней Северин поднялся на сцену балагана. Картонный дракон лежал у его ног. Он отодвинул его и показал людям монету с изображением своей прежней победы.

— Этого дракона я не убивал. Его даже не видел. Мне дали награду за чужой отчёт, и я взял её. Сейчас вас просят поверить новому отчёту раньше, чем случилось сражение. Я прошу подождать.

В толпе зашумели. Кто-то крикнул, что признание не возвращает погибших в прежних походах. Северин согласился. Он долго учился этой фразе и всё ещё произносил её неловко.

Клей вышел из башни с бронзовым голубем в руках. Птица весила столько, что её приходилось держать обеими руками.

— Перед вами провокация! — объявил он. — Дракон напал на учреждение и угрожает правопорядку.

— Он не угрожает, — ответила Нелла. — Это мы пришли с вопросами.

Она показала распоряжение о наступлении, Мира — его западную пару. Пётр развернул чертёж моста и объяснил, где лежат заряды. Лукьян принёс типографские формы двух ложных заявлений. Фома Бриль подтвердил, что получил заказ от Управления, и впервые не попытался продать место рядом с собой.

Клей улыбнулся.

— Бумаги можно подделать. Вы же сами это доказали.

— Можно, — сказала Мира. — Поэтому мы позвали свидетелей.

На сцену вышли двое рабочих, устанавливавших заряд под водой. Им пообещали деньги за работу и не сказали, что мост будут пересекать солдаты. Один держал в руках половину полученной платы; на монетах стояла королевская чеканка. Второму заплатили деньгами Марки. Расписки оформлял один казначей Клея.

Клей бросил бронзового голубя с края сцены. Птица пробила настил и застряла в ящике с масками чудовищ.

— Это государственная тайна, — сказал он.

— Теперь уже довольно известная, — заметил Евсей.

От моста раздался удар. Земля едва заметно дрогнула. Люди повернули головы. Клей тоже — и в его лице впервые не оказалось готового заголовка.

На площади Аглая и Илар впервые после долгих лет обменялись не титулами, а вопросами. Аглая спросила, видел ли король приказ о наступлении. Он ответил, что подписал остановку. Мира передала лист Нелле, а та — западному полковнику, чтобы оба видели печать.

— Теперь достаточно? — спросил Илар.

— Для приказа достаточно, — ответила Аглая. — Для доверия придётся прожить несколько дней.

На сцене Пётр нарисовал мелом схему опор. Рабочие, которых обманули, указали, где ещё лежат настоящие заряды. Времени разобрать их до подхода войск не хватало. Восточные сапёры предложили обрезать фитили, западные — залить колодцы водой. Они говорили через переводчика, хотя прекрасно понимали друг друга: официально было ещё запрещено признавать такое понимание.

Фома собрал у зрителей пустые бочки для воды. Вчера он собирал деньги; теперь впервые не вывесил стоимость услуги. Лукьян носил мокрые мешки к мосту. На обороте одного из них было отпечатано объявление о победе, которую ещё никто не одержал.

Клей попытался объяснить, что вся эта суеда обрушит рынок угля. Его никто не стал слушать: люди наконец увидели на площади настоящее дело, у которого был срок, место и возможность провалиться. Рынок от этого становился менее убедительным.

Глава 27

Никто не обязан гореть

Один из зарядов сработал раньше. На мосту стояли люди, которые ещё не получили приказ об остановке. Пролёт накренился, но не упал: Пётр за ночь подпер слабую опору бревном. Теперь бревно трещало.

Евсей взлетел. Он мог подхватить половину моста, если спустится под него. Огонь помог бы выплавить металл и скрепить опору, как делали драконоводы с живыми топками. Эта мысль пришла сама, старым привычным путём, и Евсей испугался её больше взрыва.

Шип бежал к берегу с лейкой. Он видел, как люди на мосту метались между армиями. Среди них были отец Лукьяна и его старший брат, каждый со своей стороны.

— Я могу нагреть крепления, — крикнул мальчик.

— Не надо, — ответил Евсей.

— Но я хочу помочь!

— Помоги иначе. Найди Петра и передай, что я держу левую опору. Спроси, где нужно закрепить канат.

Вопрос вместо приказа заставил Шипа остановиться на миг. Потом он побежал.

Нелла приказала своим солдатам снять с повозок верёвки. Западный полковник сперва возразил, что его канаты нельзя отдавать врагу. Мира велела ему самому держать конец. Он подчинился, когда увидел, как на мосту повис первый человек.

Евсей поднырнул под пролёт и упёрся спиной в камень. Крылья тянуло течением, лапы скользили. Он был достаточно силён, чтобы сломать башню Клея, и недостаточно силён, чтобы удерживать мост вечно. Пётр кричал размеры, Северин спускал канаты, солдаты обеих армий тянули вместе. Никто не спросил, какая сторона имеет право спасти больше своих.

Шип нашёл мальчика Лукьяна у сцены и привёл к берегу. Тот узнал отца по старой красной шапке. Брат шёл за ним, поддерживая незнакомого западного солдата. Впервые за день Лукьян перестал считать, сколько стоят два врача.

Последним уходил Пётр. В руках он держал ящик с инструментами.

— Брось, — крикнула Дара с берега.

— Тут новый ключ!

— У тебя дома есть старый муж!

Пётр посмотрел на ящик, потом на жену и бросил ключ. Он добрался до берега на канате; ящик уплыл, словно решил начать новую профессию.

Когда мост опустел, Евсей отпустил опору. Средний пролёт рухнул в реку. Брызги накрыли оба берега и двух генералов, успевших прийти выяснять, кто будет командовать спасением. Они стояли мокрые и удивительно похожие.

Шип подбежал к Евсею. Дракон выбрался на камни, тяжело дыша.

— Я не грел металл, — сказал мальчик.

— Знаю.

— Но мне хотелось.

— Мне тоже. Мы выбрали другое и успели.

На западном берегу отец Лукьяна узнал сына. Они не обнялись сразу: мальчик был весь в типографской краске, солдат — в речной глине, оба держались так, будто прикосновение подтвердит, как близко подошла беда. Потом с востока пришёл старший брат, и объяснять ничего не потребовалось.

Пётр сидел на берегу без инструмента и смотрел на место, где стоял пролёт. Он всю жизнь чинил вещи, которые можно измерить. Теперь ему предстояло составить смету на ремонт моста, ставшего предметом двух армий и одного хорошо организованного мошенничества. Дара принесла сухую рубашку и сказала, что сначала нужно составить смету на горячий обед.

Нелла и полковник пересчитали людей. Никто не погиб при падении моста. Пятерых отвезли к фельдшеру, двое сломали руки, один получил серьёзную рану от дерева. Цифры были небольшими по меркам будущих победных отчётов. Для каждого пострадавшего они занимали всю жизнь и требовали конкретной помощи. Аглая настояла, чтобы их имена внесли в общий список без разделения по берегам.

Евсей долго не мог поднять правое крыло. Шип принёс ему воду и тот самый двухцветный помидор, который они взяли из огорода. У помидора помялся бок. Они разделили его, сидя у разрушенного моста. Евсей сказал, что вкус странный; Шип заметил, что можно было дожидаться зрелости, если бы война согласовала расписание.

Вечером никто не произносил речей. На обоих берегах горели костры для обогрева, и Шип впервые за долгое время сел рядом с одним из них добровольно. Он просил не подкладывать дров, когда пламя становилось слишком высоким. Люди подкладывали позже. Такая уступка не вошла ни в один договор, но мальчик её запомнил.

Глава 28

После битвы которую отменили

Клея задержали не на площади. Он попытался уйти через восточную дверь башни и обнаружил, что её караулит Нелла. Вернулся к западной — там стояла Мира. На третий выход архитектор не выделил средств.

Глава 29

Ночь на обоих берегах

После падения пролёта никто не знал, где провести ночь. Солдаты ещё стояли в лагерях, но приказы об атаке отменили. Вернуться домой сразу не позволяли ни дисциплина, ни разрушенная переправа. Люди разжигали небольшие костры и ходили к реке смотреть на пустое место, где утром был мост.

Нелла поставила два стола у причалов. На одном записывали пропавших, на другом — тех, кто нашёлся. Полковник предложил разделить столы по берегам. Она сказала, что тогда мать с одного берега не узнает о сыне, найденном на другом. Он посмотрел на списки и молча перенёс свою чернильницу к её столу.

Савва перевозил людей до полуночи. В последний рейс к нему сел молодой солдат, который не участвовал в бою, но дрожал так, будто только что вышел из него. На берегу его ждала сестра. Солдат пытался объяснить, почему не выстрелил, когда ему приказали. Сестра остановила его: сейчас ей достаточно знать, что он пришёл. Объяснение можно оставить до утра.

Мира нашла Илара возле разбитой опоры. Король сказал, что подпишет любое соглашение об охране, лишь бы мост снова не использовали против людей. Она ответила, что завтра слова нужно будет перевести в правила, которые смогут проверить обе стороны. Сегодня же он мог помочь носить воду к фельдшеру. Илар снял перчатки и пошёл за ней.

Аглая увидела их издалека. Советник предложил сделать об этом заявление: совместная работа правителей поможет успокоить население. Она не стала его слушать. Взяла второе ведро и спросила Веру, куда его поставить. Заявление могло подождать; раненые не обязаны были ждать хорошей формулировки.

Евсей лежал на камнях и грел больное крыло солнцем, которого ночью уже не было. Шип сидел рядом. Им принесли суп. Мальчик ел молча, затем попросил дракона сказать, что тот не сердится за его желание использовать огонь.

— Я сердился бы, если бы ты решил, что обязан сгореть ради моего спокойствия, — ответил Евсей. — Но желание помочь не делает тебя виноватым.

— А если в следующий раз другого способа не будет?

— Тогда мы всё равно спросим тебя. И будем искать способ, при котором ты останешься с нами после помощи.

Шип смотрел на противоположный берег. Там кто-то зажёг ещё один костёр. Огонь был маленьким, никого не держал взаперти. Он не обязан был любить его сегодня. Ему хватало того, что он мог сидеть рядом и уйти в любой момент.

Пётр подошёл к обломку и провёл ладонью по свежему сколу. Дара принесла ему хлеб. Они не говорили о том, как он едва не упал вместе с инструментами. Она знала, что он поднимется завтра и снова начнёт мерить камень; он знал, что ей нужно время рассердиться. Иногда близкие люди сохраняют друг другу право на неудобную паузу.

Когда все разошлись, на западном берегу Артемий достал трубу. Не играл: проверил, цел ли инструмент после беготни. С востока Данко крикнул, что мать просила его вернуться самому. Артемий поднял руку вместо ответа. Между ними не было моста, зато теперь существовала лодка, расписание и день, в котором никто не требовал наступать.

Ночью прошёл короткий дождь. Он прибил пыль, смыл мел с досок и оставил на обоих берегах одинаковый запах мокрого дерева. Утром людям предстояло считать потери, разбирать ложь и спорить о стоимости нового пролёта. Пока они просто спали, кто где смог. Эта тишина не была обещанием вечного мира. Она была первым делом, которое им удалось сделать вместе: не продолжить стрельбу.

Глава 30

Список тех кого забыли сосчитать

Наутро после обрушения Нелла составила список людей, находившихся на мосту. Список расходился с западным на семь имён: у каждого штаба были свои солдаты, а лодочников, рабочих и случайных путников не учитывал никто.

Мира предложила обойти оба лагеря и записать всех, кто не вернулся к ночи. Первой нашлась девочка из Берестов. Она относила деду хлеб и после взрыва спряталась в заброшенной сторожке. Вторым был таможенник, который не решался признаться, что всё время сидел под столом в собственной конторе. Третьего нашли в лечебнице: раненый не знал своей фамилии после удара, но помнил, что должен вернуть соседу нож.

За каждым отсутствующим стояла семья, которая уже представляла худшее. Мира просила гонцов передавать проверенные сведения, даже если ответ пока звучал «ищем». Обещание без известий оставляло людей наедине с воображением.

У причала Савва узнал, что один его гребец не явился. Лодочник обыскал берег, потом направился к башне Клея: парень иногда подрабатывал там, разгружая ящики. Его нашли в подвале вместе с двумя запертыми служащими. После задержания Клея охрана разбежалась, а о нижней комнате никто не вспомнил.

— Они там прятались? — спросил западный офицер.

— За дверью, которую можно открыть только снаружи, — ответил Савва. — Такое укрытие хуже дождя.

К вечеру список сократился до одного имени. Восточный сапёр Ивей исчез во время первого взрыва. Нелла готовилась сообщить семье, что он погиб, когда Пётр заметил на противоположном берегу следы волочения. Ивей добрался до лесной полосы и потерял сознание. Его нога была сломана. Он лежал под кустом и сердился, что его не нашли раньше, потому что мошки относились к раненому без уважения.

Когда его несли к лодке, он попросил не сообщать матери о взрыве. Мира ответила, что мать уже знает и ждёт не объяснения, а его самого. Ивей закрыл глаза и на этот раз позволил себе не командовать новостями.

Список остался в общем журнале. Нелла не вычеркнула имена найденных: рядом записала место и час. Через несколько недель кто-то назвал это ненужной подробностью. Она ответила, что для человека, который ждал на берегу, точное время возвращения иногда важнее названия победы.

Глава 31

Дом для тех кто не вернулся в прежний

Жители Берестов открыли школу для временного жилья. Парты отодвинули к стенам, на полу расстелили матрасы. Учитель, привыкший ставить детям оценки, теперь распределял одеяла и стыдился того, что не умеет ответить на вопрос, когда можно идти домой.

Первой приехала женщина с сыном, у которого после обстрела пропал голос. Врач осмотрела мальчика: горло было здоровым, но он молчал всякий раз, когда слышал громкий звук. Учитель предложил ему тетрадь. Мальчик нарисовал мост целым, потом зачеркнул середину и долго водил карандашом по бумаге.

Шип увидел рисунок и сел рядом. Он тоже не всегда мог объяснить словами, почему ему страшен колокольчик. Они нарисовали рядом две маленькие лодки. Через час мальчик написал: «Мама думает, что я сержусь». Шип попросил разрешения показать лист матери. Та прочла и впервые за день перестала требовать, чтобы сын рассказал ей всё вслух.

Ефим привозил хлеб каждый вечер. Он утверждал, что не занимается благотворительностью: ему нужно проверить, не утратили ли дети способность жаловаться на подгоревшую корку. Когда один мальчик действительно пожаловался, пекарь торжественно признал проверку успешной и принёс на следующий день лучшую партию.

Мира добилась денег на ремонт нескольких домов. Канцелярия попросила подтверждение разрушения. Люди принесли обломки дверей, зарисовки, показания соседей. Чиновник сказал, что свидетельства слишком разные для одной графы. Мира предложила ему съездить на место и увидеть, как выглядят разные дома после одинакового взрыва.

Один дом стоял невредимым, но его хозяева не могли туда вернуться: окна выходили на обломанный мост, и по ночам им казалось, что снова слышен треск опоры. Им отказали в помощи, потому что стены целы. Рута, приехавшая из лечебницы, сказала чиновнику, что стены не обязаны разрушиться раньше человека. Он не сразу понял, как это внести в смету. В итоге для семьи оплатили временную комнату и предложили выбор, когда возвращаться.

Школа оставалась домом для многих до осени. Учитель всё-таки возобновил занятия. По утрам детям приходилось складывать постели, чтобы открыть тетради. Это было неудобно. Зато каждый знал, что место за партой его ждёт, даже если прежняя комната пока недоступна.

Глава 32

Цена показаний

Клея задержали, но его счета не исчезли. В канцелярии нашлись люди, которым было выгодно назвать дело ошибкой одного магистра. Они предлагали рабочим компенсацию за молчание и обещали не обвинять в установке зарядов.

Первый рабочий почти согласился. У него болела жена, долг за лекарство рос, а показания могли лишить его работы. Второй попросил Миру помочь найти другой способ заплатить врачам. Она не могла обещать, что суд решит всё справедливо и быстро. Зато нашла законный фонд помощи пострадавшим и настояла, чтобы деньги выдавали независимо от того, что человек скажет на слушании.

— Если заплатите мне до суда, они решат, что я куплен вами, — сказал рабочий.

— Тогда решение и сумма будут опубликованы для всех. Мы не покупаем ваши слова. Вы имеете право на лечение и без них.

Северин помогал составлять свидетельства. Он не предлагал готовых фраз. Спрашивал: «Кто принёс чертёж? В какое время? Что именно вы видели?» Когда рассказ расходился с его догадками, он оставлял расхождение. Давно, в другом деле, кто-то подогнал отчёт под нужную победу. Северин больше не хотел узнавать историю по портрету на монете.

Лукьян боялся выступать против Фомы, хотя тот признался в заказах. Мальчик работал в типографии и по-прежнему нуждался в жалованье. Фома предложил закрыть мастерскую на неделю, пока проверяют формы, и выплачивать Лукьяну часть денег за переплёт старых книг. Он не стал изображать это добрым поступком: сказал, что терять единственного наборщика, умеющего замечать даты, ему дороже.

Глебова дочь принесла журнал исправлений. У неё дрожали руки, когда она передавала его судье. На некоторых страницах стоял её почерк: она переписывала заголовки по приказу, прежде чем отказалась менять даты. Ей объяснили, что свидетель обязан говорить и о собственной работе. Она согласилась и впервые почувствовала, как тяжело бывает произнести полную правду, если в ней есть место твоим прежним уступкам.

Вера из лечебницы дала заключение о раненых. Она отказалась оценивать их вред общим числом дней нетрудоспособности: у сапёра Ивея один и тот же перелом означал потерю заработка, необходимость ухода и страх снова выйти к реке. Судья попросил разделить медицинские факты и последствия. Вера разделила, но оставила оба списка рядом.

К концу недели показания заняли несколько сундуков. Мира смотрела на них и думала, что победа над ложью редко выглядит как одна разоблачительная речь. Чаще это тяжёлые бумаги, которые никто не должен потерять.

Глава 33

Ночная смена у понтона

Понтон поставили за двенадцать дней. Первую ночь на нём дежурили Нелла и западный полковник. Они согласились, что охрана должна состоять из людей обеих сторон, затем сорок минут спорили, кому достанется левый конец верёвки.

— Левый, если смотреть откуда? — спросил Савва.

После этого они переименовали посты по берегам. Проблема с верёвкой исчезла; возникла с ключом от ящика для фонарей. Пётр предложил сделать два ключа. Полковник возразил, что так возрастёт риск кражи. Нелла напомнила: вчера ящик вообще стоял без замка и фонари остались на месте.

К полуночи пришла повозка с лекарствами. Возчик имел разрешение, но в нём имя восточной лечебницы написали по старому названию. Полковник хотел задержать груз до утра. Нелла посмотрела на список больных и сказала, что бумагу можно исправить при свете, а людям лекарства нужны сейчас. Они пропустили повозку, записав ошибку и имя ответственного.

Через час появился человек с пустой телегой. Он утверждал, что должен забрать тела погибших при мосте. Нелла проверила список: все пропавшие найдены. Человек настаивал, показывал бумагу без подписи и нервничал. При осмотре телеги под досками обнаружили мешок с порохом и старой формой Управления. Возчика задержали. Он признался, что получил деньги за доставку, но не назвал заказчика.

— Видите, проверка полезна, — сказал полковник.

— Да, — ответила Нелла. — Теперь осталось научиться проверять нужное, не задерживая лекарство.

Они договорились о трёх вопросах для ночного караула: кто везёт, что везёт, кому нужно. Если сведения расходятся, звонить на другой берег, а не гадать по цвету печати. Савва одобрил правило, потому что оно помещалось на ладони и не требовало отдельной телеги для папок.

Под утро Нелла увидела, как полковник наливает ей чай из своей фляги. Раньше он проверил бы, не сочтут ли это нарушением. Теперь просто протянул кружку. Она приняла и сказала, что чай отвратителен. Он обещал принести завтра лучше. Возможно, это был первый пункт их совместной службы, выполненный без письменного согласования.

Глава 34

Долги которым не хватило графы

Город считал ущерб. Клею предъявили счета за разрушенные части моста, ложные поставки, лечение людей и экстренные перевозки. Бухгалтер с гордостью сообщил, что итог помещается в одну колонку. Дара спросила, куда он запишет ночь, когда ждала Петра у окна и не знала, жив ли он. Бухгалтер снял очки и сказал, что такой графы у него нет.

— Тогда не называйте колонку всем ущербом, — ответила она.

Евсей сопровождал Шипа в лечебницу. Мальчик хотел увидеть Ивея, которого нашли в кустах. Он принёс ему книгу сказок с пустыми полями: туда можно было вписывать собственные возражения. Ивей лежал с ногой в шине и не сразу понял подарок.

— Я сапёр. Мне бы руководство по узлам.

— В сказках узлы бывают опаснее, — сказал Шип. — Особенно те, которыми привязывают принцесс.

Они разглядели рисунки и нашли ошибку в изображении моста: у нарисованной опоры не было нижнего крепления. Ивей взял карандаш и исправил. Вскоре поля книги наполнились техническими замечаниями, от которых старая сказка становилась удивительно достоверной.

Павел оставался в другом мире. Короткое изображение, полученное раньше через переход, больше не повторялось. Евсей иногда смотрел на голубую чашку, которую оставил друг, и спрашивал себя, что рассказал бы ему о войне. Наверное, Павел сперва поинтересовался бы, ели ли они вовремя. Потом сказал бы, что голодный герой опаснее сытого труса, если у обоих в руках документы.

Евсей написал Павлу письмо, хотя не знал, как отправить. Рассказал о мосте, мальчике с лейкой, новых знакомых и о том, что помидоры снова уродились. Не просил возвращаться и не делал вид, что отсутствие друга ничего не меняет. Письмо положил в сундук рядом с записками Леды, оставив на конверте место для адреса.

В тот вечер Шип спросил, можно ли взыскать с Клея его ночные кошмары. Евсей не ответил шуткой.

— Нельзя вернуть сон по счёту. Можно сделать так, чтобы тебя лечили и слушали. И чтобы ему не позволили повторить это с другими.

— Мало.

— Да, — сказал Евсей. — Иногда справедливость меньше потери. От этого она не становится ненужной.

Они сидели рядом, пока огород темнел. Внизу работали молотки. Строительство не мешало всего, что случилось. Зато людям было куда приложить руки, не повторяя разрушение.

Глава 35

Монета без героя

Северин принёс свою серебряную цепь в мастерскую чеканщика. Когда-то её подарили за победу над драконом, которого он не убивал. Мастер предложил переплавить украшение и сделать памятную медаль за спасение моста. Северин отказался.

— От памятных медалей у меня плохие воспоминания. Сделайте крепёж для причала.

Серебро было слишком мягким для основных деталей. Тогда его пустили на небольшие накладки, защищавшие деревянные поручни от износа. Северин пришёл проверить работу и увидел, как люди держатся за них, переходя шаткий понтон. Никто не знал, откуда взялся металл. Ему это понравилось.

Мира нашла его у причала. Она получила предложение вернуться во дворец и руководить новым ведомством правдивых сообщений. Название вызвало у неё подозрение: слишком многие неприятности начинались с учреждения, обещавшего противоположное своей практике.

— Откажешься? — спросил Северин.

— Предложу вести открытый журнал решений и дать людям право проверять документы. Для этого не нужен директор истины. Нужны писари, которым не велят менять вчерашнюю дату.

Они пошли вдоль берега. Северин рассказал о серебре и спросил, не напрасно ли отдал цепь. Мира заметила, что он впервые выбрал, на чём останется его имя. Даже если его нигде не написали.

Вдруг к понтону подбежал человек с газетой: Клей требовал пересмотра дела, потому что одно из распоряжений действительно подписал министр обороны. Северин взял лист. В нём была правда, способная снова сделать всё остальное ложью в глазах читателей. Мира сказала, что министр должен ответить за свой приказ отдельно; это не отменяет подделок и взрыва.

— Невозможно закончить историю одним виновным, — сказал Северин.

— Зато можно закончить работу над мостом, — ответила она. — Сегодня крепим поручни.

Они вернулись к мастерам. Серебряная накладка блестела на солнце меньше, чем наградная цепь при дворе. Зато под рукой человека, боявшегося воды, она выполняла понятное дело.

Глава 36

День когда никто не пришёл воевать

Через месяц после падения моста оба лагеря получили приказ возвращаться домой. Сначала ушли лошади, затем кухни, затем солдаты. На месте армий остались вытоптанная трава, забытые колья и люди, которым некуда было возвращаться до ремонта домов.

Артемий сложил трубу в футляр и пошёл пешком к тётке. По дороге его догнал бывший восточный пленный Данко. Они узнали друг друга не сразу: без строя и охраны люди выглядели иначе. Данко поблагодарил за письмо матери. Артемий смутился и сказал, что не был уверен, дошло ли оно.

— Дошло. Она передала ответ через трёх соседей, двух лодочников и одну очень сердитую козу.

Ответ состоял из двух слов: «Вернись сам». Данко вернулся. Теперь они шли по одной дороге до поворота, где никакой командир не велел им расходиться. Артемий предложил показать дедову трубу. Данко попросил сыграть что-нибудь без команды наступать. Они остановились, и над полем прозвучала мелодия, которую дед когда-то играл на свадьбе.

В Берестах люди вышли посмотреть на отходящие колонны. Некоторые махали, другие отворачивались. Ефим раздал хлеб солдатам обоих берегов. Он не стал говорить о братстве: многие ещё слишком хорошо помнили страх. Просто спросил, кому нужна еда в дорогу.

Шип помогал подбирать колья с поля. Он увидел деревянный щит с изображением дракона и надписью «ОПАСНО». Краска размокла, и чудовище выглядело так, словно ему стыдно за художника. Шип хотел сломать щит. Евсей предложил оставить его у дороги на день, чтобы люди увидели, чем их пугали. Потом они сняли доску и пустили её на полку для садового инструмента. Слова оказались с внутренней стороны.

Вечером учитель Берестов записал в школьный журнал: «Урок состоялся. По расписанию». Это была первая обычная запись после многих недель. Он задержал перо над бумагой, затем добавил: «Дети пришли все». Ему казалось, что однажды он перечитает эту строку и вспомнит не события войн, а лица тех, кто снова сидел за партами.

Глава 37

Мирная смета

Совместная комиссия по восстановлению встретилась в большом зале. Её председатели заранее договорились не спорить о названии моста. За первые десять минут они нашли шесть других поводов.

Восточные хотели каменную кладку, западные — железные балки. Рыбаки просили увеличить высоту пролёта. Купцы требовали ширину для двух телег. Шип предложил оставить сбоку место для людей, которые просто идут пешком. Все посмотрели на него: этот пункт забыли.

Пётр разложил модели на столе. Он попросил каждого назвать, что сломается при его варианте и кто это заметит первым. За час выяснилось: камень дороже и медленнее, железо требует ухода, высокий пролёт неудобен на подъёме, широкий обходится вдвое дороже. Никто не мог получить всё сразу. Зато каждый услышал, за что платит сосед.

Предложение Клея о готовых котлах снова всплыло в папках. Секретарь по привычке положил его среди действующих заявок. Нелла указала на печать арестованного поставщика. Секретарь смутился: папку никто не пересмотрел после ареста. Мира попросила проверить все старые предложения, чтобы недобросовестный договор не продолжал жить без автора.

Когда заседание завершилось, на листе осталось три возможных проекта. Их вывесили на площади с расчётами. Люди спорили по существу: о зимнем льде, весенней воде, дороге к рынку. Фома предложил печатать мнения читателей, но Мира настояла, чтобы рядом стояли и цифры. Без них самые громкие пожелания опять выигрывали у тихих последствий.

Ефим пришёл с вопросом, будет ли будущий мост позволять ему привозить хлеб к школе. Пётр проверил подъезд: один поворот оказался слишком узким. План изменили до кладки первого камня. Казначей жаловался на дополнительные расходы. Пекарь спросил, сколько стоило бы перестраивать готовую стену. Жалобы стали тише.

Евсей присутствовал лишь в конце. Он не был инженером и отказался изображать символ согласия на каждом заседании. Ему показали место для пеших и подъезд к школе. Этого хватило, чтобы понять, что в смете появились живые люди.

На выходе Шип заметил пустую строку «непредвиденные расходы». Пётр заполнил её суммой, которую счёл разумной. Мира спросила, не слишком ли много. Мастер сказал, что после года с драконом, двумя армиями и бронзовым голубем он не рискнёт писать ноль.

Глава 38

Две бухгалтерии одной беды

Когда войска ушли, казначейства обнаружили, что оба оплатили одни и те же бочки. Клей выставял счета за «резервные материалы» каждому берегу отдельно. Часть бочек стояла пустой на мосту, часть лежала в башне, а ещё часть существовала только в папках.

Рута, Мартын и дочь Саввы сели сверять книги. Им понадобились большой стол, три чернильницы и человек, который приносил чай и не спрашивал каждые десять минут, скоро ли они найдут всю правду. Таким человеком оказался Пётр. Он приносил чай и задавал вопросы только о расходах на мост.

В одной книге котёл значился доставленным в лечебницу, которая ещё не была построена. В другой значилась перевозка на лодке, давно стоявшей без дна. В третьей покупка угля совпадала по весу с запасом, который уцелел на складе. Каждый факт по отдельности можно было назвать ошибкой. Вместе они складывались в привычку продавать одно и то же имущество, пока никто не требовал его показать.

Рута предложила нанести поставки на карту. Дочь Саввы заметила, что шесть маршрутов начинались у одной пристани в дни, когда там не работала переправа. Мартын нашёл подпись помощника министра. Тот, вызванный для объяснения, признал, что подписывал отчёты, не видя товара. Он ожидал, что обвинят только Клея. Рута сказала, что суд решит степень его ответственности, но исчезнуть из книги вместе с магистром ему не удастся.

Деньги, возвращённые по ложным счетам, направили на лечение и временное жильё. Казначей предложил назвать это «эффективным восстановлением средств». Дара спросила, почему больной должен радоваться эффективности человека, сначала оплатившего пустую бочку. Название сократили до «возврата». В документах стало меньше победных слов и больше реальных сумм.

Шип принёс Руте свои записи о камнях и гвоздях на стройке. Они были неточными, местами смешными, но один день расходился с официальным отчётом: на бумаге доставили двадцать ящиков, на причале Шип видел пятнадцать. Пётр проверил и нашёл пять ящиков в соседнем сарае. Их не украли — кладовщик перепутал адрес. Это тоже оказалось важно: расследование не обязано находить преступление в каждом несовпадении, иначе люди перестанут говорить о простых ошибках.

К вечеру Рута закрыла последнюю книгу. Она сказала, что цифры не защищают сами по себе, зато умеют мешать удобной сказке, если дать им встретиться друг с другом. Мартын попросил не превращать это в девиз ведомства. Они оба уже видели достаточно хороших слов на вывесках плохих учреждений.

Глава 39

Письмо на старой бумаге

Леда прислала Евсею ещё одно воспоминание. В молодости он однажды отказался участвовать в драконьем состязании: там победителем считали того, кто дольше удержит пламя. Остальные называли его трусом. Он уехал домой и всю ночь чинил сломанную поилку для животных.

Евсей читал историю и не узнавал себя. Леда честно добавила: через неделю он всё же вернулся на состязание, потому что хотел доказать обидчикам обратное, и обжёг себе крыло. В семейной легенде этот эпизод обычно опускали.

— Почему ты написала и вторую часть? — спросил он в ответном письме.

«Потому что память, в которой ты всегда прав, не была бы твоей», — ответила Леда. «И потому что Шипу полезно узнать: взрослые тоже иногда совершают глупости после умного решения».

Евсей прочёл письма мальчику. Шип спросил, восстановится ли когда-нибудь всё, что дракон забыл. Евсей сказал, что не знает. Он мог узнавать старые события от других, но эти рассказы не становились прожитыми заново. Иногда он ревновал к прежнему себе: тот знал людей, которых нынешнему предстояло снова любить.

Шип показал шрамы на шее.

— Я кое-что хотел бы забыть.

— Понимаю.

— А иногда боюсь: если забуду, снова поверю человеку с ключом от печи.

Евсей долго искал ответ. В конце сказал, что помнить опасность можно не держась за страх каждую минуту. Для этого рядом нужны люди, которым позволено напоминать и проверять. Сам он хотел бы вспомнить больше, но не желал бы сделать память единственным условием доверия.

Они отнесли поилку Савватию, которому требовалась новая для овса. Савватий спросил, зачем дракон столько лет хранит вещь с трещиной. Евсей ответил, что о трещине узнал только сегодня. Савватий рассмеялся и помог поставить новую. История Леды не вернулась воспоминанием, зато превратилась в дело, которое они совершили вместе.

На обратном пути Шип попросил не рассказывать о его ночных страхах всем гостям. Евсей согласился. Люди, пережившие беду, не становятся общественной собственностью даже тогда, когда их опыт мог бы чему-то научить остальных. Историю поилки Леда рассказывала с разрешения дракона. История Шипа принадлежала ему.

Глава 40

Участок тишины

На стройке Пётр установил час без ударов молотка. Рабочие восприняли это как новый вид наказания, особенно когда узнали, что час нужен для осмотра трещин: в шуме их не было слышно. Через несколько дней правило спасло опору — один мастер уловил тонкий хруст под свежим камнем.

Шип любил этот час. Он сидел на берегу с блокнотом и рисовал, как изменяется река. Однажды к нему подсел Артемий с трубой в футляре. После возвращения из армии тот временно помогал на стройке, но не играл: звук инструмента напоминал ему сигнал, который он едва не подал.

— Можешь сыграть что-нибудь другое, — предложил Шип.

— Руки помнят три коротких и один длинный.

— Тогда начни с одного длинного.

Артемий попробовал. Нота вышла неровной. Шип не оценивал музыкальность: он сам, когда учился поливать огород после печи, сперва разливал половину воды на дорожку. Человеку иногда нужно разрешение плохо начать то, что раньше умел хорошо.

На следующей неделе Артемий сыграл дедову свадебную мелодию. Двое рабочих остановились, ожидая приказа. Когда мелодия продолжилась иначе, они вернулись к кладке. Звук успел поменять значение в их присутствии.

Северин пришёл в час тишины и увидел, что мастера слушают камень. Он рассказывал Мире, как легко было бы назвать это церемонией согласия и пригласить министров. Она попросила не надо: если появятся министры, камень не услышат за речами.

Пётр тем временем проверил трещину. Её вызвала не вражеская диверсия, а неправильная пропорция раствора. Мастер, замешавший его, признался сам. Ему не грозила казнь, но пришлось переделывать целый участок. Нелла поблагодарила за признание, полковник выдал новую смесь. На этой стройке ошибку можно было исправить до того, как она станет памятником.

Вечером Пётр оставил у берега табличку: «Тихий час нужен для осмотра». Фома Бриль предложил заменить на «Время слышать мост». Пётр подумал и оставил оба варианта, по разным сторонам доски. Рабочие читали первый, гости — второй. Главное, чтобы все на час переставали стучать.

Глава 41

Виновный согласно расписанию

Суд над Клеем хотели провести отдельно на каждом берегу. Западная канцелярия уже подготовила обвинение в измене королю. Восточная потребовала выдачи за преступления против Марки. Сам Клей назвал это признанием международного значения его деятельности.

— Если меня приговорят дважды, — сказал он, — положена ли скидка на вторую казнь?

На заседание пришли люди, которые имели к нему разные счёты: потерявшие жильё после мобилизации, рабочие, устанавливавшие заряд, семьи раненых, купцы с испорченным товаром. У каждого был свой лист с цифрами. Первым секретарь прочёл обвинение в незаконной закупке бронзового голубя. В зале зашумели.

— Людей чуть не убили, — сказала Нелла. — А вы начали с птицы.

Секретарь объяснил, что документы о голубе оформлены безупречно, поэтому нарушение легко доказать: его цена втрое превышала смету. Документы о мосте ещё изучают. Порядок дел казался ему разумным. Людям в зале — нет.

Мира предложила не ждать удобного обвинения. Пусть каждый свидетель расскажет о своих действиях и о том, какой приказ он получил. Клей возразил: получится не суд, а собрание обиженных граждан. Судья попросил его замолчать. Это было первое распоряжение, которое Клей выполнил без попытки обсудить цену.

Первым говорил западный полковник. Он признал, что получил неподписанное сообщение о восточном нападении и приказал готовить людей. Доказательств не спросил. Причиной назвал спешку. Судья уточнил, что помешало спросить после приказа. Полковник долго смотрел на свои руки.

— Я считал, что сомнение заразно для солдат.

— А уверенность?

— Она оказалась заразнее.

Нелла рассказала о фитиле и двух концах, оставленных по разные стороны. Рабочие подтвердили, что их наняли под видом ремонта. Лукьян показал типографские формы с готовыми известиями о гибели патрулей. Фома предъявил книгу заказов и потерял надежду на то, что суд будет считаться бесплатной рекламой.

Допрос Евсея начался с вопроса, поджигал ли он мост. Судья видел крылья, зубы и старое военное донесение. Дракон отвечал терпеливо, но после четвёртого вопроса предложил принести помидоры из своего огорода: там было больше следов огня, чем на мосту, и они хотя бы вкусные.

— Я упёрся спиной в опору, — сказал он. — Она рухнула после того, как все сошли. Это подтвердят люди с обоих берегов.

— Вы могли удержать её дольше?

— Не знаю. Мне хотелось. Дело не в том, сколько я выдержал, а в том, что мы вывели людей до падения.

Шип слушал за дверью. В старой сказке такой ответ сочли бы скромностью могучего существа. Он знал, как Евсей потом три дня не поднимал крыло. Могущество плохо лечит мышцы.

Когда заседание закончилось, судья отложил приговор до разбора всех счетов и приказов. Толпа разочарованно вздохнула. Мира понимала её. Людям хотелось назвать одного виновного и закрыть тяжёлую книгу. Но под каждой подписью Клея стояли чужие согласия, привычка не читать и желание верить удобному заголовку. Суду предстояло назвать конкретные преступления, а всем остальным — собственные ошибки.

Глава 42

Мост с открытым концом

Проект новой переправы поручили Петру. Он потребовал права работать с мастерами обоих берегов и отказался от титула «главный строитель великого согласия».

— Если доска треснет, титул её не удержит, — объяснил он.

К осени люди поставили временный понтон. У него был недостаток: при сильном ветре он качался так, словно решал, к какому государству принадлежит сегодня. Купцы требовали каменный мост, рыбаки — чтобы им оставили проход для лодок, а оба казначейства — чтобы стоимость работы была записана на соседа.

На первом общем совещании Пётр положил перед правителями обычный кирпич. Илар посмотрел на него подозрительно. Аглая взяла кирпич в руку и спросила о цене.

— По отдельности он стоит две монеты, — сказал Пётр. — Если вы полгода будете спорить, кому он принадлежит, обойдётся в двадцать. А если начнёте строить, останется кирпичом.

Нелла предложила делить расходы по протяжённости берегов. Мира заметила, что протяжённость берега меняется с уровнем воды. Северин сказал, что тогда можно назначить долю по числу спорящих на каждом заседании. Аглая рассмеялась первой. Илар — после короткой проверки, смеётся ли над ним кто-нибудь ещё.

Они согласились платить пополам за камень, материалы и жалованье. Содержание моста распределили по объёму перевозок. Обе стороны получали доступ к отчётам мастеров. Ни одно условие не требовало объявлять реку чьей-либо собственностью.

После совещания Мира спросила Петра, доволен ли он.

— Подписи есть, — сказал он. — Теперь бы ещё цемент, который не обижается на сырость.

На стройке выявилась другая трудность. Каждая армия прислала рабочих, которые привыкли сначала ставить стражу, потом брать инструмент. Восточные солдаты не хотели передавать западным мерную цепь. Западные называли мерную цепь своим именем и подозревали, что им подсунули чужую.

Пётр выдал каждой группе по лопате и велел вырыть один общий ров. К вечеру цепь стала просто цепью, зато возник новый спор о глубине. Мастер счёл это прогрессом: глубину можно было измерить.

Шип приходил помогать по утрам. Он носил небольшие камни и записывал в тетрадь все новые слова, которыми строители называли кривую кладку. Евсей проверил список и велел не повторять половину выражений при Мира. Шип спросил, почему именно при ней. Дракон сказал, что Мира запомнит их и использует на следующем совещании, а этого никто не переживёт.

Глава 43

Сказка по показаниям свидетелей

Фома Бриль не мог долго сидеть без афиш. Он предложил новый спектакль, в котором дракон спасает мост, принцесса разоблачает злодея, рыцарь делает важное лицо, а злодей падает в реку. Сбор обещал направить пострадавшим. Мира согласилась проверить текст.

На первой странице Евсей произносил речь длиной с заседание Совета. На второй Шип смело выдыхал пламя и плавил опору. На третьей Северин арестовывал Клея одним движением меча. Ни одно событие не произошло, хотя все три выглядели удобно для представления.

— Зрители не станут смотреть, как мы переносили верёвки, — сказал Фома.

— Тогда придумайте, как показать верёвки интересно, — ответила Мира. — Вы же умеете.

Фома вызвал актёров и провёл репетицию у разрушенного моста. Труппа попыталась сыграть солдат двух армий. Через десять минут актёры забыли, кто с какого берега, и Фома впервые увидел, насколько быстро выдуманная уверенность разваливается при настоящей работе.

Шип согласился помочь с текстом, если в спектакле никто не будет изображать его шрамы. Актёр, игравший маленького дракона, кивнул. Ему самому когда-то пришлось выступать с перевязанной ногой, и зрители считали это хорошей деталью костюма.

— Тогда я не скажу, что мне было не страшно, — попросил Шип. — Мне было.

— На сцене герои обычно не боятся, — заметил Фома.

— Поэтому я им не верю.

В новой пьесе мальчик с лейкой дважды просил помощи. Рыцарь путался в узлах. Принцесса ошибалась в именах чиновников и исправляла себя. Дракон не знал, выдержит ли опора. Фома ворчал, что для спектакля это слишком похоже на жизнь, но однажды услышал, как дети в зале подсказывают актёрам: «Держи канат!» Он оставил эту сцену.

Премьера прошла без бронзового голубя. Птицу суд постановил оставить уликой. Фома изготовил бумажную, лёгкую настолько, что её унёс ветер. Часть зрителей сочла это небрежностью постановки. Северин сказал, что наконец увидел символ, который способен летать.

После представления девочка спросила Миру, почему та не вышла замуж за рыцаря в финале. Мира ответила, что мост пока строится и свадьбу нельзя использовать вместо завершения дел. Девочка подумала, затем сказала, что у её родителей и после свадьбы дела не закончились. Мира признала довод убедительным.

Глава 44

Право на отказ

Когда новый мост достиг середины реки, инженер предложил ускорить работу драконьим жаром. Он подготовил подробный план, расписал температуру, длительность и оплату. В конце мелким шрифтом значилось: исполнитель обязуется находиться в топке до завершения плавки.

Евсей вернул документ.

— Вы строите мост после истории с жаровыми камерами. Как вам удалось не заметить эту строчку?

— Это технический термин, — сказал инженер. — Топкой у нас называется площадка для нагрева.

— Тогда почему её запирают снаружи?

Инженер обещал изменить план. Шип, стоявший рядом, почувствовал, как холодеет шея под рубцами. Он хотел сказать, что готов попробовать с открытой дверью: все очень ждали моста. Но до того, как он успел, Рута попросила инженерную бумагу и прочла вслух каждую строку.

— Согласие нельзя спрятать в графе для подписи, — сказала она. — Особенно когда речь идёт о том, кто уже однажды сидел за запертой дверью.

Стройку остановили на день. Это дорого обошлось казначействам, но дешевле, чем ещё одна жизнь, измеренная количеством часов в жаре. Пётр нашёл способ скрепить металл на берегу обычной печью. Работа заняла неделю дольше. Инженер лично следил, чтобы дверца открывалась изнутри, хотя никто из мастеров там не сидел.

Шип приходил смотреть. Он спросил Руту, не обиделась ли она на него за желание помочь.

— Желание хорошее, — ответила она. — Вопрос в том, кто им распоряжается. Ты можешь сказать «да». Но сначала тебе должны позволить сказать «нет», не пугая чужими потерями.

На следующий день Шип предложил придумать безопасный способ нагрева для будущих работ. Вместе с мастерами он начертил несколько вариантов и отверг четыре собственных идеи. Евсей видел, как мальчик учится не путать отказ с бесполезностью. Для взрослого дракона это тоже оказалось уроком.

Вечером они вернулись к огороду. На калитке кто-то оставил записку: «ПАЦИФИСТЫ ЗАДЕРЖАЛИ МОСТ». Евсей дописал ниже: «На семь дней. Дверь открывается изнутри». Утром записку сняли, но Шип успел сохранить её в своей тетради. По его мнению, у злых объявлений иногда получались полезные оборотные стороны.

Глава 45

Цена последнего слова

Приговор Клею объявляли в зале, где раньше утверждали его закупки. Суд признал его виновным в подделке приказов, подготовке взрыва, мошенничестве и попытке вызвать вооружённое столкновение. Имущество направили на лечение пострадавших и восстановление домов, из которых людей выгнала мобилизация.

Клей выслушал решение спокойно. Когда судья закончил, он попросил слова. Зал готовился к раскаянию. Клей сообщил, что мог бы построить мост быстрее, если бы ему доверили подряд.

— У меня уже лежат чертежи, — добавил он.

Пётр встал.

— У вас всегда лежали чертежи того, что вы сначала собирались сломать.

Судья велел вывести осуждённого. Клей обернулся к Евсею:

— Вы победили, потому что вас все боятся.

— Меня боялись и раньше, — ответил дракон. — Тогда это вам помогало.

После суда люди не стали добрее в один день. Купцы торговались за перевозку, полковник спорил с Неллой о стоянке караула, жители деревни жаловались на шум стройки. Но спор больше не требовал готовой легенды о враге. Когда одна газета напечатала слух о новом драконьем заговоре, Лукьян пришёл к редактору с вопросом об источнике. Тот не ответил. На следующем листке под заголовком появилась строка: «Сведения не подтверждены». Начало было скромным, зато стояло сверху, где его могли увидеть.

Илар посетил Миру в лечебнице, где она помогала разбирать отчёты о пострадавших. Они говорили о мосте, потом о погоде, потом снова о том дне, когда он отправил её в пещеру. Король не просил забыть. Она не обещала. Перед уходом он предложил оплатить восстановление трёх грядок, раздавленных её первой телегой.

— Евсей уже вырастил новые, — сказала Мира.

— Тогда заплачу за воду.

— Попробуй однажды сам привезти её.

На следующей неделе Илар приехал без свиты с двумя бочками. Одну пролил на повороте. Евсей не сделал замечания. Мира заметила, что это почти подвиг, если знать дракона и его отношение к грядкам.

Глава 46

Огород после войны

Пока шли последние работы, король и маркиза продлили временное соглашение о перевозках. Пошлину по-прежнему делили поровну, а сведения о грузах записывали в общем журнале.

Фома Бриль предложил назвать соглашение «Великой победой». Мира зачеркнула название. Он предложил «Славный мир». Нелла зачеркнула и это. В журнале осталось: «Правила перевозки через реку до окончания ремонта». Люди на обоих берегах сразу поняли, о чём документ.

Евсей заплатил за сломанную дверь башни после того, как из счёта вычеркнули стоимость торжественной таблички. Фома вернул деньги за спектакль покупателям, которые сохранили билеты. Двадцать три человека потребовали вернуть и страх, но таких квитанций он не выдавал.

Северин помогал чинить временный причал. Ему не велели: после монеты он предпочитал работу, которую можно потрогать рукой. Мира приезжала по выходным. Они спорили о длине досок, о будущей свадьбе и о том, стоит ли звать Евсея произносить речь. Доски от их споров становились ровнее. Решение о свадьбе пока не продвинулось.

Шип вновь учился спать при звуке далёкой грозы. Иногда он просыпался и спрашивал, не пушки ли это. Евсей не отвечал автоматически. Подходил к окну, слушал, потом называл звук. Правдивый ответ успокаивал лучше обещания, которое никто не мог исполнить.

В конце лета на месте разбитого камня для гостей поставили скамью. Её сделали из досок старого моста. Пётр оставил на одной выемку от осколка и пояснил, что гладкие доски люди слишком легко считают новыми.

Однажды к калитке приехал мальчик с книгой сказок. В ней рыцарь убивал дракона, спасал принцессу и получал половину королевства. Мальчик попросил Евсея рассказать, как было на самом деле.

— На самом деле, — сказал дракон, — принцесса спасла приказ, рыцарь признался, что ему когда-то соврали, а мост мы всё равно не удержали.

— Плохая сказка.

— Возможно. Никто не получил половины королевства.

— А хорошее в ней было?

Евсей оглянулся на огород. Шип подвязывал помидоры, стараясь не зацепить листья когтями. У дороги Дара бранила Петра за инструмент, оставленный под дождём. Из долины доносился стук молотков: строили переправу. Люди не перестали спорить, но теперь чаще приходилось слышать, как спорят о работе.

— Было, — сказал Евсей. — В конце никто не обязан был стать чудовищем, чтобы остальные поняли, что происходит.

Мальчик подумал и попросил разрешения нарисовать другую картинку. На ней принцесса держала бумагу, рыцарь — канат, маленький дракон — лейку. Евсею художник отвёл скамью и несколько помидоров. Дракон указал, что крылья на рисунке слишком маленькие, но мальчик ответил: иначе они закроют всех остальных.

Евсей согласился. Он решил, что с такой неточностью вполне можно жить.

Глава 47

Зима без чужого огня

Первый снег лёг на стройку в тот день, когда доставили железные крепления. Рабочие ругались на холод, казначеи — на стоимость дров, чиновники — на задержку. Никто не предложил вернуть драконов в топки вслух. Это не значило, что мысль исчезла: она ждала у каждого замёрзшего котла.

На общем собрании инженер принёс расчёт: если Шип или Савватий прогреет металл, работы закончат на неделю раньше. Рута прочла условие и спросила, почему в расчёте стоит только цена топлива, но нет времени и согласия исполнителя. Инженер смутился. Он привык считать металл и забывал, что источник тепла может выйти из комнаты сам.

Шип хотел помочь. Его раздражало, что взрослые обсуждают его, как вещь, которую следует беречь от самой себя. Он сказал, что готов нагреть одну деталь на открытой площадке, если сам определит длительность и сможет уйти в любой момент.

Евсей выслушал его, не перебивая. Пётр предложил сначала проверить печь и сравнить сроки. Проверка показала: обычная печь работала медленнее на два дня, не на неделю; в первоначальном расчёте время доставки деталей записали дважды. Шип выбрал помогать с установкой камней. Он не счёл изменённое решение поражением.

В декабре ударил мороз. Новые городские печи, построенные после освобождения драконов, не всегда справлялись. Жители ругали проектировщиков, приносили друг другу уголь, утепляли окна. Несколько человек говорили, что прежде было теплее. Рута не спорила с температурой: действительно было. Она спрашивала, кто тогда проводил ночь в жаровой камере, и предлагала искать новые способы утеплить дома.

Ефим открыл при пекарне помещение для тех, у кого погасла печь. По утрам там сушили сапоги и считали, сколько дров требуется самым холодным домам. Клей построил бы на этой беде новое учреждение. Ефим просто поставил ещё один чайник и попросил Мартына вести учёт без красивого названия.

Шип иногда ночевал у Руты, помогая переносить запасные поленья. Ему нравилось, что она не хвалила каждый его шаг как подвиг. Если он забывал закрыть окно, Рута говорила: «Закрой окно». Если приносил воду, благодарила. Обыкновенность этой жизни давалась им обоим труднее, чем торжественная речь о свободе.

После Нового года Евсей получил от Леды письмо: зимой в лечебницу поступало меньше обожжённых драконов и больше людей с простудой. Первое число радовало, второе требовало работы. Она не пыталась свести их в одну оценку. Евсей положил письмо к остальным и пошёл чинить раму у Ефима. По дороге взял шапку, хотя драконам она была неудобна. На улице хватало людей, которым приятно видеть, что и большая зелёная голова может подумать о морозе.

Глава 48

Непрошенный памятник

Весной на площади появился каменный постамент. Никто не знал, кто его заказал. Подрядчик показал накладную, подписанную комитетом по увековечиванию. Комитет оказался созданным за неделю до того и уже успел выбрать, кого увековечить: Евсея, стоящего на обломках моста с поднятым крылом.

Дракон увидел рисунок и отказался позировать. На эскизе он выглядел победителем, под ногами лежали люди без различимых лиц. Скульптор объяснил, что это аллегория спасённых, а не погибших. Евсей предложил сделать их стоящими и с именами. Скульптор ответил, что тогда не останется места для него.

— Вот и прекрасно, — сказал Евсей.

Комитет обиделся. Его председатель утверждал, что городу необходим общий символ. Мира спросила жителей, какой символ они хотели бы видеть у моста. Пётр сказал — мерную отметку уровня воды. Савва — причальные кольца. Шип предложил лавку, на которой смогут сидеть люди с обоих берегов. Председатель заметил, что лавка не вдохновляет на подвиги. Дара ответила, что после пережитого её вполне вдохновляет возможность спокойно посидеть.

Скульптор, оставшийся без заказа, неожиданно заинтересовался идеей. Он изготовил на постаменте каменные отметки подъёма реки и места для имён мастеров. Рядом поставили длинную скамью. На открытие пришло меньше высоких гостей, зато люди сразу заняли её с двух концов.

Фома напечатал листок «ДРАКОН ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПАМЯТНИКА». Евсей пришёл в типографию и добавил к заголовку мелким шрифтом: «Скамья у реки поставлена». Фома сказал, что так меньше интриги. Дракон согласился: именно этого он и добивался.

Вечером Шип увидел, что кто-то оставил на скамье цветы. Без подписи. Он не стал убирать их: разные люди помнили тот день по-разному. Назавтра на другом конце лежал карандаш для отметки паводка. Мальчик подумал, что место памяти вполне может одновременно служить делу.

Глава 49

Последний экзамен моста

Перед открытием Пётр потребовал испытать новый пролёт тяжёлым грузом. Оба правительства предложили собственные обозы, чтобы каждое могло записать испытание в свои заслуги. Мастер выбрал телеги с камнем из общей каменоломни и пригласил тех, кто должен будет ежедневно пользоваться мостом.

Первой проехала повозка Ефима с мешками муки. За ней — Савва с пустой лодкой на телеге: теперь ему чаще предстояло чинить лодки, чем использовать их как единственную связь берегов. Потом пошли школьные дети. Учитель просил их не бежать; дети прошли первые шаги чинно, затем забыли о торжественности и принялись искать на парапете место для своих ладоней.

Пётр слушал камень. У третьей опоры возник звук, который ему не понравился. Он остановил испытание и велел разгрузить телеги. Комиссия возражала: гости уже собраны, речь короля написана. Пётр сказал, что речь легче перенести, чем треснувшую опору.

Мастер нашёл не трещину, а металлическую скобу, которая касалась камня под неправильным углом. Её поставили по утверждённому чертежу. Оказалось, чертёж был неточен. Инженер признал ошибку и предложил исправление. На это ушли два дня; открытие перенесли. Фома жаловался, что уже продал афиши с датой. Мира предложила напечатать на обороте причину задержки. Покупатели, к его удивлению, не потребовали вернуть деньги: мост, который проверяют до праздника, казался им надёжнее.

На повторном испытании Пётр пригласил Шипа посмотреть на скобу. Мальчик заметил, что её не стали греть драконьим огнём. Мастер ответил: металл держится благодаря точной форме и работе нескольких людей. Шип сказал, что раньше ему казалось, будто полезность должна быть горячей и заметной. Пётр показал ему маленький холодный болт, без которого скоба снова сдвинулась бы. Болт не выглядел героем даже рядом с другими болтами.

Испытание завершилось к вечеру. Пролёт выдержал обоз, детей, рабочих и двух чиновников, которые хотели пройти одновременно с разных берегов. Последние едва не столкнулись посередине, но уступили дорогу телеге с рассадой. Пётр записал результат в журнал без слова «исторический». Под ним стояли размеры, вес и даты. Ему хотелось, чтобы следующий мастер мог проверить мост через много лет, когда вся нынешняя слава превратится в пыль на полке.

Евсей пришёл уже после испытания. Он посмотрел на реку, новую кладку и свободный проход для людей. Пётр спросил, нравится ли ему. Дракон ответил, что мост ещё нужно прожить. Мастер кивнул: он строил именно для этого.

Глава 50

Первая прогулка по новому мосту

К весне завершили каменный пролёт. На открытие прибыло столько чиновников, что Пётр предложил испытать мост именно ими: если выдержит торжественные речи, выдержит и телеги. На перилах установили табличку с именами мастеров обоих берегов. Имена правителей поместили в документ о расходах, где их можно было найти при необходимости.

Лукьян пришёл с отцом и братом. Они остановились у середины, не зная, кто первым должен перейти границу, которой на новых досках не отметили. Брат предложил всем троим сделать шаг одновременно. Отец сказал, что это годится для представления. Они сделали шаг и обнаружили, что никакой музыки не играет. Просто оказались рядом.

Фома всё-таки устроил спектакль неподалёку, но не на мосту: Пётр запретил крепить сцену к свежим перилам. На афише значилось «Мост, который построили после». Ни рыцаря с мечом, ни дракона с огнём художник не нарисовал. Были канат, лейка и несколько человек, тянувших в одну сторону. Билеты продавались хуже старой победы, но хорошо расходились среди тех, кто помнил настоящую ночь.

Нелла и западный полковник подписали порядок совместной охраны. В первой строке стояло: «При подозрении на нападение сначала установить связь». Полковник предложил добавить: «Если связь есть». Нелла поставила запятую и ответила, что работающие мосты для этого и строят.

Мира и Северин перешли переправу пешком. Северин остановился у середины, словно всё ещё ожидал, что его позовут убивать чудовище. Мира взяла его за руку.

— Ты хотел что-то сказать?

— Боюсь, после нашей истории любое предложение прозвучит как финал пьесы Бриля.

— Тогда скажи своими словами.

Он сказал. Мира ответила не сразу; потом спросила, согласится ли он и дальше спорить с ней над счётами, не отдавая их Фоме для рекламы. Северин согласился. Свадьбу назначили на осень, без обещания решить ею все остальные вопросы.

Евсей на открытие не собирался. Он объяснил, что помидоры не учитывают государственных праздников. Но Шип уговорил его приехать к вечеру, когда речи закончились и по мосту шли обычные люди. Дракон ступил на камень осторожно. Новый пролёт выдержал.

На противоположном берегу мальчик попросил рассказать сказку. Евсей начал с принцессы, которую однажды привезли к нему в телеге. Потом вспомнил старый мост и людей, сумевших остановиться раньше битвы. Шип перебил:

— Мы ведь ещё не знаем, чем всё кончится.

— Правильно, — сказал Евсей. — У хорошего моста конца нет. За ним начинается дорога.

Они постояли посередине, пропустили повозку с рассадой и пошли домой. В повозке среди горшков лежала новая лейка. Шип оглянулся на неё дважды, но не попросил купить: дома уже было три. Евсей заметил оба взгляда и решил, что некоторые войны с желаниями можно проигрывать без большого ущерба.

Позже он всё-таки купил лейку. Она протекала. Вещь оказалась удобной для полива сразу двух грядок, и Евсей записал в тетрадь, что не каждый недостаток требует устранения. Запись не была шуткой. Пока.

Глава 51

Невеста требует протокол

Мира и Северин решили обсудить свадьбу без свидетелей. Встретились у озера, взяли хлеб, сыр и тетрадь с расходами. Северин принёс тетрадь: после моста ему казалось неосторожным начинать серьёзное дело без сметы.

— Для начала укажи, зачем она нам, — сказала Мира.

Он перечислил любовь, общий дом и желание просыпаться рядом, а затем спросил, не прозвучал ли как чиновник. Мира ответила, что чиновник написал бы «взаимное проживание на постоянной основе».

Сложнее было с приглашениями. Илар хотел звать двор. Аглая, услышав о возможной свадьбе, обещала прислать делегацию. Фома предложил продавать билеты, чтобы оплатить восстановление причала. Северин вычеркнул Фому раньше, чем тот договорил.

Мира не хотела превращать праздник в доказательство мира между государствами. Если они поженятся, это не отменит ни расследования, ни старых обид, ни будущих споров. Северин согласился: ему уже однажды досталась публичная роль героя, и он не собирался играть «мужа исторического примирения».

Они решили, что пригласят близких, когда новый мост позволит людям спокойно приехать. Евсею дадут место во дворе, чтобы он не сидел за окном. Для Шипа найдут стол без строгого детского меню. Дара приготовит пирог, если захочет; никто не станет считать её труд семейной обязанностью.

На берегу появилась Рута, которая случайно шла в лечебницу. Услышав последние слова, она сказала, что хорошее начало договора — указывать, кто имеет право отказаться. Мира записала это в тетрадь рядом с пунктом о пироге. Северин возразил, что свадьба перестаёт быть романтической. Рута ответила: романтика, способная пережить слово «нет», обычно держится дольше.

Они убрали тетрадь и наконец поели сыр. Потом поссорились о том, какой дом удобнее: у лечебницы или у сада. Разошлись без решения, но договорились посмотреть оба. Это не выглядело кульминацией сказки. Зато завтра у каждого оставалось место для собственного мнения.

Эпилог

Человек который пришёл с миром

Осенью комиссия по проверке добровольности драконьего труда всё-таки приехала. Инспектор занял место на новой скамье, открыл папку и спросил Шипа, заставляют ли его поливать огород.

— Иногда, — сказал Шип.

Инспектор оживился.

— Кто именно?

— Помидоры. Если не польёшь, они выглядят так, что потом всю ночь стыдно.

Евсей не стал вмешиваться. Инспектор записал ответ и долго искал подходящую графу.

К вечеру привезли письмо от Аглаи. Маркиза сообщала, что общий журнал перевозок сохранят и после открытия моста, а выплаты пострадавшим из имущества осуждённого Клея наконец начались. На мосту уже стояла доска с именами мастеров обоих берегов. Аглая приписала от руки: «Илар сначала хотел поставить рядом ещё две доски, но передумал. Мы даже научились иногда передумывать вовремя».

Евсей передал письмо Шипу. Тот прочитал, сложил и спросил:

— Когда построят мост, война точно не вернётся?

— Не знаю, — сказал Евсей.

— А ты опять сядешь посередине?

— Если понадобится. Но лучше научить их встречаться там без меня.

Шип поглядел на скамью, на открытые ворота, на долину.

— Тогда здесь тоже надо поставить два стула. Одного для гостя мало.

На следующий день Пётр привёз второй. Под вечер на нём сидела Нелла, на первом — западный полковник. Они спорили о том, на чьём берегу хранить запасные канаты. Евсей пропалывал грядку и старался не вмешиваться. В конце концов Нелла предложила разделить канаты поровну, а полковник — связать их вместе, чтобы при необходимости достали до середины реки.

— Вот, — сказал Шип. — Уже без тебя.

Евсей посмотрел на узел. Вязали они его долго, ругаясь на разные названия одной и той же петли. Зато получился крепкий.

— Почти, — сказал дракон и пошёл ставить чайник.